КАТЕГОРИИ
ДИАЛЕКТИКИ

ДИАЛЕКТИКА ЗАКОНОМЕРНОЙ СВЯЗИ

Свердловск • 1982

МВ И ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

КАТЕГОРИИ
ДИАЛЕКТИКИ

ДИАЛЕКТИКА ЗАКОНОМЕРНОЙ СВЯЗИ

Межвузовский сборник научных трудов

СВЕРДЛОВСК · 1982

А 512.7
К 293

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького

В очередном, восьмом выпуске межвузовского сборника «Категории диалектики» рассматриваются различные аспекты диалектической концепции закона. Дан анализ закона как основания организации, функционирования и развития системы.

Редакционная коллегия:
В. В. Байлук (Уральский университет), **И. Я. Лойфман** (Уральский университет) — отв. редактор, **Л. П. Туркин** (Свердловская высшая партийная школа)

© Уральский государственный университет, 1982

И. Я. ЛОЙФМАН
Уральский университет

Три аспекта диалектической концепции закона

В современной философской литературе активно исследуются логико-гносеологические проблемы законов науки, специфика законов общества, механизм их действия и использования. Плодотворность таких исследований во многом зависит от уяснения объективно-диалектического содержания категории «закон» и диалектического хода познания законов действительности, а эти вопросы пока изучены недостаточно. Широко распространена суммативная трактовка многообразия признаков и структурных компонентов закона, соотношение закона с другими категориями материалистической диалектики анализируется без должного учета целостности ее системы, нередко упускается, что формообразующим началом содержания закона является противоречие. Поэтому в развитии общефилософской концепции закона исследование его **внутренней диалектики** представляет важную и весьма актуальную задачу.

Проблема заключается в том, чтобы развернуть содержание закона, двигаясь от абстрактного к конкретному и рассматривая вещи и явления как самопротиворечивые в их сущности, которая многоступенчата. Необходимо, в частности, показать, что в законе выражаются не только сущность, но и явление сущности, не только существенно-общее, но и существенно-различное, не только устойчивость, но и изменчивость и т. д. Тем самым будет реализовано указание В. И. Ленина о том, что «понятие *закона* есть *одна* из ступеней познания человеком *единства* и *связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса» [1].

Исходя из данного классиками марксизма-ленинизма анализа объективных признаков и содержания закона, В. П. Тугаринов предложил следующую характеристику философского понятия закона: «закон есть такая взаимосвязь между существенными свойствами или ступенями развития явлений объективного мира, которая имеет всеобщий и необходимый характер и проявляется в относительной устойчивости и повторяемости этой связи» [2]. В приведенной формуле, весьма емкой по своему

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 126.

[2] *Тугаринов В. П.* Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1955, с. 87.

содержанию, исходным является определение закона как **существенной связи** вещей и явлений. Ступенями конкретизации этого абстрактного определения можно считать всеобщность и необходимость связи в их единстве и далее относительную устойчивость и повторяемость этой связи. Подобное указание основных черт закона не исчерпывает, естественно, его философской характеристики. Исследование внутренней диалектики закона и дальнейшее освоение теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма показали необходимость вычленения отдельных уровней, аспектов закона с точки зрения системы принципов диалектики как научной концепции связи, движения и развития.

Логико-гносеологическое своеобразие материалистической диалектики как науки состоит в том, что органическая целостность ее системы воплощается в каждом из ее элементов и прежде всего в ядре диалектики, в принципе **тождества противоположностей**. Известно, что тождество противоположностей есть всеобщая форма и закономерность всякой связи, всякого движения и всякого развития, а принцип противоречивости — главный принцип диалектики, «признание которого позволяет правильно трактовать все остальные принципы, как бы связать их в один узел» [3]. Схватывая самое главное в предметном содержании диалектики, принцип противоречивости конкретизируется в принципах всеобщей связи, самодвижения, развития, фиксирующих основные аспекты предмета и метода диалектики и вместе с тем основные аспекты диалектического противоречия — взаимополагание, взаимоизменение, взаимопереход противоположностей во всех вещах и явлениях, во всех их свойствах и отношениях [4].

В логико-гносеологической функции диалектика напоминает оптическую систему: оптическая система, фокусируя лучи света, направляет их ход, а диалектика организует мыслительную деятельность человека и направляет аналитико-синтетическое движение мысли к объективной истине. Тождество противоположностей является центром логико-гносеологической системы диалектики, а роль своеобразных главных фокусов этой системы играют основные модификации тождества противоположностей, а именно тождество и различие, тождество (устойчивость) и изменение, тождество (преемственность) и обновление. Категориальные формы «тождество-различие», «тождество-изменение» и «тождество-обновление» выражают элементарные противоречия связи, движения, развития и образуют единый **ряд восхождения от абстрактного к конкретному**. Они служат последовательными ступенями диалектического анализа и синтеза

---

[3] *Руткевич М. Н.* Диалектический материализм. М., 1973, с. 289.

[4] См.: *Лойфман И. Я.* Развитие как базисная категория диалектики.— В кн.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976, с. 15—16.

вещей и явлений, их свойств и отношений вообще и закономерных связей в частности.

Учитывая предметную и логико-гносеологическую многогранность («трехфокусность») диалектики, можно наметить три аспекта диалектической концепции закона как существенной связи между вещами и явлениями: **статический** (аспект организации), **динамический** (аспект функционирования) и **исторический** (аспект развития). Истоки подобной аспектации можно обнаружить уже в гегелевском учении о законе [5].

При статическом рассмотрении связь реального многообразия вещей и явлений выступает как система зависимостей, или отношений тождества и различия, а **существенная зависимость** вещей и явлений, их всеобщее и необходимое отношение тождества и различия имеет силу закона. По Гегелю, в данном определении закон есть «тождество разного содержания с другим содержанием, так что положенность одного есть положенность другого» [6]. Существенная взаимная зависимость вещей и явлений в системе есть основание их организации (сосуществования, структуры, строения и т. п.).

При динамическом рассмотрении связь реального многообразия вещей и явлений выступает как система обусловленностей, или отношений тождества (устойчивости) и изменения, а **существенная обусловленность** вещей и явлений, их всеобщее и необходимое отношение тождества и изменения имеет силу закона. По Гегелю, при данном определении закона «его стороны относятся друг к другу не только как разные, но и как отрицательно соотносящиеся друг с другом» [7]. Иначе говоря, соотносящиеся стороны не только полагают, но и изменяют друг друга, воздействуют друг на друга. Существенная взаимная обусловленность вещей и явлений в системе есть основание их функционирования (движения, взаимодействия, воспроизводства и т. п.).

При историческом рассмотрении связь реального многообразия вещей и явлений выступает как система переходов, или отношений тождества (преемственности) и обновления, а **существенный переход** вещей и явлений, их всеобщее и необходимое отношение тождества и обновления имеет силу закона. По Гегелю, в данном определении содержание закона есть «всякая определенность в существенном соотношении, делающемся целокупностью» [8]. В гегелевской трактовке целокупность (тотальность) соотносящихся сторон заключается в том, что каждая из них создает себя как другую, переходит в другую, так что положительное содержит в себе момент отрицательности, а

[5] См.: *Панибратов В. Н.* Категория «закон»: Проблемы истории и объективно-диалектического содержания. Л., 1980, с. 42—47.

[6] *Гегель.* Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 148.

[7] Там же, с. 142.

[8] Там же, с. 143.

отрицательное содержит в себе положительный момент. Существенный взаимный переход вещей и явлений в системе есть основание их развития (превращения, генезиса, эволюции и т. п.).

Относительная самостоятельность статического, динамического и исторического аспектов объективной закономерности служит реальным основанием для различных определений закона и их синтеза, равно как и для теоретически обоснованного выделения различных этапов познания закона, а также для построения развернутой типологии связей и законов, совмещающей их деление по аспектам организации, функционирования и развития с делением по степени общности и по способу детерминации (тип необходимости, специфика причинно-функциональных отношений). Здесь методологически важно видеть внутреннее единство и системную целостность различных определений закона, различных уровней и типов закона. Скажем, представленное в периодическом законе Менделеева отношение системы химических элементов методологически важно видеть в трех основных перспективах: как взаимную зависимость, взаимную обусловленность и взаимный переход химических элементов. Когда существенное отношение вещей и явлений в системе раскрывается как их самоотношение (другое есть при этом свое другое), оно выступает в своей субстанциальной определенности как закон самоорганизации, самодвижения и саморазвития системы.

Таким образом, как ступень познания единства и связи мирового процесса закон характеризует диалектику мирового процесса трояко: в аспекте его организации — как существенное тождество различного, в аспекте его движения, функционирования — как существенное тождество изменяющегося, в аспекте его развития — как существенное тождество обновляющегося. Такая субстанциально-аспектная трактовка закона имеет принципиальное значение для разработки его диалектической концепции.

Г. И. БОНДАРЕВ, Т. С. КУЗУБОВА
Уральский университет

Закон, противоречие, сущность

Непосредственная связь категорий закона и противоречия очевидна. В самом деле, диалектическое противоречие — это противоречие в сущности тех или иных предметов, процессов. На это указывал В. И. Ленин: «В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов»[1]. В «Философской энциклопедии» мы читаем: «Диалектическое противоречие — это такое сущностное отношение противоположных моментов внутри системы, в котором осуществляется конкретное тождество этих моментов и которое делает систему самодвижущимся органическим целым»[2]. И как диалектическое противоречие представляет собой отношение между противоположными сторонами сущности, так и всякий закон есть существенное отношение, связь между различными сущностями или сторонами одной сущности.

Представляется, что действительное отношение законов и противоречий не может рассматриваться как проявление, обнаружение одного через другое. Выражение одних объективно существующих вещей, предметов, процессов другими есть обнаружение первых через вторые, когда вторые выступают внешним проявлением первых. Можно ли сказать, что закон как объективно существующая связь есть внешнее проявление противоречия, форма его обнаружения? Очевидно, нет. Однако имеет смысл говорить о том, что законы науки действительно так или иначе выражают противоречия. Но об этом речь пойдет несколько позже.

Противоречие в сущности есть сложное отношение противоположных сторон ее, отношение, включающее в себя их взаимополагание, взаимопроникновение и их взаимоисключение. Кроме того противоречие включает в себя не только отношение противоположных сторон, но сами эти стороны. Оно представляет собой целое, систему. Закон же есть только связь. Уже поэтому он в системе противоречия может выступать лишь его частью. Закон не покрывает и всех связей, отношений между противоположностями. Как определенная связь, определенное отношение закон есть момент, сторона, частичка всей системы отношений между противоположными сторонами сущности. Закон — это такая связь, которая носит устойчивый, повторяющийся,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.
[2] Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 404.

регулярный характер, то есть общая связь. Закон — это, наконец, необходимая связь. В отношениях же между противоположными сторонами сущности имеются связи преходящие, неустойчивые, временные, случайные. В самом деле, между буржуазией и пролетариатом как противоположными сторонами основного противоречия капиталистического общества наряду с общим и необходимым отношением купли-продажи рабочей силы, отношением эксплуатации пролетариата буржуазией, которое находит свое выражение в основном экономическом законе капитализма — законе прибавочной стоимости, есть и другие отношения, обусловленные национальными особенностями той или иной страны, теми или иными историческими условиями, то есть отношения исторически преходящие.

Но если закон только сторона, момент отношений между противоположностями сущности, то нужно определить, что это за сторона, момент, какая это связь между ними. Закон есть ничем не опосредованная связь противоположностей. Это во-первых. Во-вторых, будучи общей, необходимой связью, закон является основным моментом, основной стороной взаимоотношений противоположных сторон сущности. Он представляет собой решающее, определяющее, основное в их отношениях. Возьмем, к примеру, закон стоимости. Он есть сторона отношений продавца и покупателя, их товарного отношения. Продавец и покупатель, олицетворяя противоречия абстрактного и конкретного труда, воплощенного в товаре, имеют противоположно направленные интересы. Как бы ни складывались их отношения на рынке в зависимости от соотношения спроса и предложения, обусловленного многими меняющимися обстоятельствами, основой отношений продавца и покупателя является то, что обмен товаров между ними совершается в соответствии с количеством общественно необходимого труда, затраченного на производство этих товаров. Эта основная связь в отношениях обмена и есть закон стоимости.

Следует заметить, что все рассуждения о законах как основной, определяющей стороне отношений противоположностей относятся отнюдь не ко всем противоречиям, а только к сущностным. Противоречия несущностные, случайные прямой связи с законами не имеют.

Продолжая далее рассмотрение соотношения сущностных противоречий и законов, можно утверждать, что закон выступает мерой в отношениях противоположных сторон. К выяснению связи категорий закона и меры в советской философской литературе обращался А. Ф. Перетурин[3]. В ходе этого выяснения он отметил, правда, только мельком, в одной фразе, что законы сохранения выступают как мера взаимодействия физи-

---

[3] *Перетурин А. Ф.* Диалектика абсолютного и относительного в законах сохранения. М., 1968, с. 22—24.

ческих объектов, а значит, и их противоположностей, но не раскрыл последнего положения.

Так почему же закон является мерой в отношениях противоположностей? Взаимодействие противоположных сторон сущности, приводящее к изменению их самих и их взаимоотношения в рамках сохраняющегося целого, порождает количественные изменения этого целого. То же взаимодействие, в конечном счете, когда одна из противоположностей отрицает другую и данное целое разрушается, возникает другое единство противоположностей, порождает качественные изменения. Законы, будучи основными моментами в отношениях противоположностей, выступают теми общими и необходимыми связями, которые обусловливают сохранение данного целого, т. е. протекание изменений в рамках меры. Таковы законы функционирования. С другой стороны, законы являются теми связями противоположностей, которые ведут к разрушению целого, т. е. к нарушению меры. Таковы законы развития. Таким образом, как законы функционирования, так и законы развития оказываются мерой отношений противоположных сторон сущностных противоречий. В силу того, что и законы развития и законы функционирования есть связи одних и тех же противоположностей, те и другие законы неразрывны и законы развития действуют через законы функционирования.

Поскольку закон есть основной момент в отношении противоположностей сущностного противоречия, мера их отношения, то можно утверждать, что закон и противоречие в определенном смысле совпадают, слиты. И чем глубже сущность, тем большими являются слитность, совпадение противоречия этой сущности и соответствующего закона. Во всеобщей сущности вещей совпадение противоречия этой сущности и закона является полным. Так, законы диалектики, например, законы перехода количественных изменений в качественные, соотношения необходимости и случайности, общего и отдельного и т. д. прямо непосредственно являются отношением полярных противоположностей. Но чем сущность менее глубока, более конкретна, тем ее противоречие менее полно слито, совпадает с законом.

Совпадение, слитность объективных противоречий и объективных законов и обусловливает то, что в науке сущностные противоречия находят свое выражение в законах. И любая наука, представляя собой систему законов, выражает тем самым систему противоречий объекта, являющегося предметом исследования данной науки. Однако научные теории, выступающие только как статичное воспроизведение объекта, следует признать не вполне развитыми. Научная теория в ее зрелой форме должна воспроизводить объект своего исследования в его становлении и развитии. Теоретическое же воспроизведение объекта от его возникновения до зрелого состояния, раскрывающее тенденции его дальнейшего развития, есть создание духовно-

конкретного образа этого объекта и осуществляется методом восхождения от абстрактного к конкретному. Не случайно К. Маркс назвал этот метод «правильным в научном отношении»[4]. Теория, воспроизводящая объект по методу восхождения от абстрактного к конкретному, есть не что иное, как развертывание системы его противоречий от ее зачаточного состояния (клеточки) до состояния полной зрелости. Такая теория раскрывает объект исследования как живой, пульсирующий, развивающийся. Классическим образцом такой зрелой научной теории является политическая экономия капитализма, созданная К. Марксом в его труде «Капитал».

Выяснение содержания категории «закон» невозможно без рассмотрения ее в связи с категориями сущности и явления. Категория закона использовалась Гегелем и К. Марксом для раскрытия взаимосвязи сущности и явления, взятых в их целостности и развитии[5]. В этом плане закон выступает как отношение целостной сущности и целостного явления, обусловленное раздвоением сущности на противоположности.

Соотношение категорий сущности, закона и явления отличается сложностью. В связи с этим, как показывает В. Н. Панибратов, Гегель выделял три уровня категории «закон», которые характеризуются особым соотношением закона и явления[6]. Исходным пунктом служит закон явления, закон как тождественная основа явления. На следующем уровне закон выступает как противоположность явления, «в-себе-и-для-себя-сущий мир» полагает мир явления как свое другое. Наконец, синтезом этих уровней выступает третий, где обнаруживается диалектическое тождество являющегося и существенного миров, закон предстает как их существенное отношение.

Проявления сущности отличаются многообразием и изменчивостью, закон же выступает как тождественное, пребывающее в явлении. «Существенная связь между определениями явления есть его закон»[7]. Будучи существенной связью между определениями явления, закон предстает как то, что служит основой единства многообразных проявлений сущности. Однако на данном уровне рассмотрения сущность закона еще не раскрыта, необходимое тождество закона и явления не обнаружилось. Как указывает Гегель, здесь содержание закона и явления еще разное, в законе нет момента «отрицательности», «беспокойной формы», которая принадлежит явлению. Все многообразие определений явления не содержится в законе, а обусловлено чем-то иным. «...То, отличающееся от закона, что содержится в явлении ...привходящие для явления форма и ее движение как

---

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 727.

[5] См.: *Вазюлин В. А.* Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968, с. 130.

[6] См.: *Панибратов В. Н.* Категория «закон»: Проблемы истории и объективно-диалектического содержания. Л., 1980, с. 42—46.

[7] *Гегель.* Работы разных лет. М., 1973, т. 2, с. 103.

таковые»[8]. Форма явления, следовательно, связана с законом лишь внешне; здесь не видно существенности формы явления, ее закономерного характера, диалектического тождества формы сущности и формы явления.

Рассматривая закон как существенное явление (как закон явления сущности), мы не показываем, каким образом закон может выступить в качестве «принципа самодвижения целого», «души» объективной тотальности, т. е. в качестве производящего основания явления. Эта задача решается на более глубоком уровне анализа, когда закон явления находит обоснование в закономерном характере полярных отношений сущности. «Процесс диалектического восхождения от сущности к явлению представляет собой своеобразное «оявленивание» сущности, ее конкретизацию; в результате чего явление перестает быть непосредственным, оно опосредствуется сущностью и развертывается как существенное отношение»[9].

Закон есть то, что пребывает, сохраняется в смене многообразных явлений. Однако он не только тождественное в явлении, но и противоположное последнему. Явление воплощает в себе отсутствие устойчивости, многообразие, закон — пребывание, устойчивость, однородность. Многообразие и изменчивость явления не есть что-то внешнее и чуждое закону. Закон содержит их в себе как «свое другое»; многообразие явления предстает не только как результат взаимодействия с другими явлениями, но и как следствие внутренней расчлененности самой сущности. Сущность как основание явления обладает внутренней сложностью и характеризуется различными определениями. В сущности все относительно, все дано в соотношении, а «в определениях отношения противоречие выступает непосредственно»[10]. В процессе существования сущность саморазличается, противополагает себя самой себе как целому, однако это саморазличение возможно лишь в рамках сущностного тождества. Взаимополагание, взаимодействие противоположностей подчинено природе целого и в то же время постоянно воспроизводит это целое. «...Подлинно внутреннее должно быть охарактеризовано как конкретное, различенное в самом себе. Понятое так, оно есть то, что мы называем законом. Ибо сущность закона ...состоит в неразрывном единстве, в необходимой внутренней связи различенных определений»[11]. Поскольку закон не только противоположен явлению, но и содержит противоречие внутри себя, то он предстает как деятельное, производящее

---

[8] *Гегель.* Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 140.

[9] *Типухин В. Н.* Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса.— Тр. Омск. с.-х. ин-та им. С. М. Кирова, 1961, т. 45, с. 135.

[10] Цит. по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 127.

[11] *Гегель.* Энциклопедия философских наук. М., 1977, т. 3, с. 231.

начало, приобретает тот момент отрицательности, которого ему недоставало.

В третьем томе «Капитала» К. Маркс анализирует закон тенденции средней нормы прибыли к понижению. Можно показать, что здесь, как и при исследовании других законов, прослеживается движение от уровня закона явления к уровню закона как различенного в самом себе, как закона полярных отношений сущности. Тенденция понижения средней нормы прибыли выступает как идентичное, пребывающее в колебаниях нормы прибыли. По мере развития производительных сил происходит повышение органического строения капитала, относительное уменьшение доли переменного капитала по сравнению с постоянным. Поскольку прибыль — это прибавочная стоимость, взятая в отношении ко всему капиталу, то движение нормы прибыли отражает движение самой сущности капитала. В результате влияния противодействующих причин закон осуществляется как тенденция, через многочисленные отклонения и колебания. Явление, таким образом, богаче закона, и наряду с содержанием закона в нем наличествует и другое, многообразное и изменчивое содержание, которое безразлично закону, а обусловлено действием других причин (например, повышением степени эксплуатации труда, понижением заработной платы ниже стоимости рабочей силы и т. д.). «Являющиеся вещи имеют свои основания и условия в других являющихся вещах» [12].

Закон — не просто тождественное в явлении, но и противоположное последнему. Закон тенденции средней нормы прибыли к понижению «не только не исключает возрастания абсолютной массы прибыли, но он указывает на необходимость ее прогрессивного абсолютного возрастания при уменьшении ее относительного выражения, т. е. нормы прибыли» [13]. Закон предполагает как свою противоположность другое содержание явления.

На более глубоком уровне анализа, где закон есть существенное соотношение противоположных определений самой сущности, обнаруживается необходимое тождество являющегося и «в-себе-и-для-себя-сущего мира». Закон тем самым выступает как «душа» объективной тотальности явления. В основе закона тенденции средней нормы прибыли к понижению лежит противоречие сущности капиталистического производства как процесса труда и процесса возрастания стоимости. Закон выражает движение противоречия цели капиталистического производства (увеличение стоимости капитала) и средства (развитие производительных сил). «Противоречивость закона тенденции нормы прибыли к понижению состоит в том, что поскольку норма прибыли есть отношение прибавочной стоимости ко всему аванси-

---

[12] *Гегель.* Соч. М., 1937, т. 5, с. 605.

[13] *Типухин В. Н.* Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса, с. 136.

рованному капиталу и общая масса прибавочной стоимости определяется двумя переменными, т. е. нормой прибавочной стоимости и массой применяемого труда при данной норме, то развитие производительных сил увеличивает норму прибавочной стоимости, уменьшая в то же время относительно или абсолютно число применяемых рабочих» [14]. Теперь ясно, что внутреннее противоречие закона определяет и «отрицательную сторону» явления. Повышение степени эксплуатации, рост абсолютной массы прибыли обусловлены развертыванием того же противоречия, которое выражено в законе тенденции нормы прибыли к понижению. «Но так как теперь царство законов содержит в себе также и этот момент, то оно есть целокупность содержания являющегося мира и основание всего его многообразия» [15].

Предмет формируется как единство соотношения с собой и соотношения с другим. «Объективная тотальность» явления сформирована, таким образом, в соприкосновении сущностей предметов между собой, образована соотношением сущностей. Закон и выступает как это соотношение сущностей и, тем самым, образует «душу» объективной тотальности. Поскольку в многообразных отношениях сущность выступает своими различными сторонами, то целостность явления в ее тождественности может быть выражена совокупностью законов. Законы характеризуют внутреннюю расчлененность сущности предмета в его отношениях с многообразием других предметов.

Закон, по Гегелю, содержит как рефлектированную в себя изменчивость явления, которая есть «абсолютная отрицательность и форма вообще как таковая» [16]. Тождество явления, выраженное в законе, будучи внутренне расчлененным, противоречивым, выступает в качестве формообразующего начала объективной тотальности, закона организации целого. Это тождество, которое в смене явлений обнаружилось как пребывающее, повторяющееся, теперь предстает как результат взаимодействия противоположностей сущности, как определенное единство устойчивости и изменчивости. «...Когда говорят о законе как неизменяющейся, спокойной стороне явления, имеют в виду способ существования и изменения последнего» [17]. Закон, следовательно, выступает как способ движения целого, пока оно сохраняет определенную форму. Осуществление и разрешение противоречия, выраженного в законе, ведет к самоотрицанию сущности, к становлению ее новых форм; тем самым закон предстает как закон развития, и в этом качестве он также является формообразующим принципом целого.

---

[14] Там же, с. 138.

[15] *Гегель.* Соч., т. 5, с. 608.

[16] Там же, с. 607.

[17] *Кобахидзе Ш. А.* Некоторые проблемы категории закона и закона источника развития. Тбилиси, 1977, с. 30.

Таким образом, форма, которая в явлении была привходящим моментом, обусловленным не законом, а чем-то иным, теперь связана с законом существенным образом. Если ранее мы рассматривали форму явления и форму сущности как нечто разное, то теперь «эта форма оказалась также и их соотношением, и существенное отношение есть завершение единства их формы» [18]. Закон выражает, таким образом, развитие сущности в определенную форму проявления. Однако диалектическое тождество формы проявления и формы сущности осуществляется через ряд опосредствований и может быть доказано путем выявления этих посредствующих звеньев.

[18] *Гегель.* Соч., т. 5, с. 612.

С. А. НИКОЛАЙЧУК
Норильский индустриальный институт

Закон как субстанциальная необходимость

В диалектико-материалистической концепции самое общее понимание закона как существенной связи конкретизируется в таких его характеристиках, как всеобщность, необходимость, повторяемость, устойчивость и т. п., которые являются производными от главных признаков и в совокупности с ними образуют исходное определение закона. Однако этим исходным уровнем понимания закона не исчерпывается все богатство содержания данной категории. Будучи одной из важнейших категорий материалистической диалектики, категория закона вбирает в свое содержание все многообразные аспекты этой теории. Так, например, в соответствии с диалектико-материалистическим принципом противоречивости закон выступает не просто как абсолютная необходимость, устойчивость, всеобщность и т. п., а являет собой единство необходимого и случайного, устойчивого и изменчивого, общего и единичного и т. д.[1]

Целью настоящей статьи является анализ категории закона с позиций одного из основополагающих принципов материалистической диалектики — принципа самодвижения. Принцип самодвижения, наряду с принципом всеобщей связи и принципом развития, лежит в основании одного из предметных аспектов диалектики, на которые указывал Ф. Энгельс[2] и в соответствии с которыми диалектика выступает как философская концепция связи, как философская концепция движения (функционирования) и как философская концепция развития.[3] В каждом из этих предметных аспектов диалектики категория закона обнаруживает свое специфическое содержание. В советской философской литературе категория закона в аспекте самодвижения исследована недостаточно. Как правило, эта задача даже не ставится, и в литературе мы находим лишь некоторые попытки отразить интересующий нас аспект содержания закона в его определении. Так, например, М. М. Розенталь в своей трактовке закона основывается на понимании его К. Марксом как формы

---

[1] См.: *Бондаренко В. В.* О диалектичности понятия «закон».— Вестн. Моск. ун-та, 1972, № 5; *Герц Г.* Закон, развитие, случайность.— Вопр. философии, 1978, № 8.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-изд., т. 20, с. 94—95.

[3] См.: *Лойфман И. Я.* Развитие как базисная категория диалектики.— В кн.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976, с. 16.

действия, реализации внутренних связей явления [4]. Ш. А. Кобахидзе, анализируя гегелевское высказывание о законе как спокойном, всеобщем отражении явления, подчеркивает, что в данном случае под законом имеется в виду способ существования и изменения явления [5].

Наибольший интерес в этом отношении представляет анализ категории закона В. Н. Панибратовым, который рассматривает содержание этого понятия в его генезисе, функционировании как ставшей сущности, изменчивости в рамках сохранения данной сущности и вариабельности форм ее проявления. Соответственно В. Н. Панибратов выделяет генетический, функциональный, эволюционный и феноменологический аспекты закона [6]. Все эти аспекты рассматриваются автором как различные варианты содержания понятия тенденции, через которое он определяет закон, и по существу представляют собой анализ этого содержания с точки зрения различных диалектико-материалистических принципов. Содержанием закона с точки зрения принципа самодвижения выступает в данном случае функциональный аспект, который характеризует закон в его определяющей роли — функционировании как ставшей сущности [7]. Основным определением, отражающим эту сторону содержания закона, автор считает следующее: «Закон...— необходимая, внутренне присущая природе явлений реального мира тенденция изменения, движения, развития, определяющая общие этапы и формы процесса становления и самоорганизации конкретных развивающихся систем явлений природы, общества и духовной культуры человечества» [8]. Функциональный аспект закона, отражая момент изменчивости, движения в его содержании, позволяет углубить диалектическое понимание этой категории. Закон предстает как такая форма устойчивости, которая выражает внутреннюю, имманентно присущую самим вещам тенденцию изменения. Отображение момента изменчивости в содержании закона лишает закон односторонности, позволяет охватить «цельность явления», охарактеризовать не только положительную, но и отрицательную его сторону [9].

Определенное понимание закона с этой точки зрения мы находим в диалектике Гегеля. Прежде всего, по Гегелю, закон — это основа явления, существенное, устойчивое его содержание, противостоящее беспокойной, изменяющейся стороне явления.

---

4 *Розенталь М.* Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М., 1955, с. 31.

5 *Кобахидзе Ш. А.* Некоторые проблемы категории закона и закона источника развития. Тбилиси, 1977, с. 31.

6 *Панибратов В. Н.* Категория «закон»: Проблемы истории и объективно-диалектического содержания. Л., 1980, с. 88—91.

7 Там же, с. 99.

8 Философская энциклопедия. М., 1962, т. 2, с. 149.

9 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 137.

«Царство законов — это **спокойное** содержание явления...» [10] Однако понимание закона лишь как устойчивой стороны явления, абсолютно противостоящей его отрицательности, не отражает наиболее глубокой сущности этого понятия. На этом уровне понимания закон имеет тот недостаток, что «тождество его сторон друг с другом есть еще только **непосредственное** и тем самым **внутреннее**, иначе говоря, еще не необходимое тождество» [11]. Так, например, замечает Гегель, в законе падения величина пространства и величина времени связаны между собой как существенные, но это соотношение есть только непосредственное соотношение, выводимое из опыта, и из него еще не следует, что одна сторона содержит в себе другую. Задача же познания состоит не только в установлении того факта, что закон имеет место, но и в доказательстве его необходимости. Для этого закон должен быть представлен не просто как «положительная существенность явления», как одна из противоположных его сторон, но как целое, содержащее в себе самом такие стороны, «каждая из которых содержит свое иное в самой себе и в то же время как нечто самостоятельное отталкивает от себя это свое инобытие» [12]. Содержание закона, имея в самом себе «существенное отношение противоположения», выступает уже как необходимость. Таким образом, понимание закона как необходимости Гегель связывает не просто с познанием сущности как устойчивой, «спокойной» стороны явления, но с познанием противоречивости самой сущности. Сама сущность должна быть понята в противоречивом единстве ее сторон, в ее самодвижении. Эта мысль Гегеля находит свое дальнейшее развитие в третьей книге «Науки логики», где он прямо связывает понятие закона с самодвижением, называя закон «определенностью принципа самодвижения» [13]. В. И. Ленин считал очень важным это сближение понятия закона с понятиями необходимость, «принцип самодвижения» и др.[14]

Закон как определенность принципа самодвижения, по Гегелю, проявляется лишь в так называемых самостоятельных процессах, имеющих характер «свободного механизма», и особенность закона в данном случае состоит в том, что он выступает как «свободная необходимость». «Лишь свободный механизм имеет **закон**, собственное определение чистой индивидуальности или **для себя сущего понятия**; как различие в самом себе этот закон есть вечный источник само себя возбуждающего движения; соотносясь в идеальности своего различия лишь с собой, закон есть **свободная необходимость**» [15].

---

[10] *Гегель.* Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 140.
[11] Там же.
[12] *Гегель.* Наука логики, т. 2, с. 143.
[13] См.: *Гегель.* Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 175.
[14] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 167.
[15] *Гегель.* Наука логики, т. 3, с. 175.

Таким образом, Гегель, раскрывая содержание закона в аспекте самодвижения, обращается к категории свободы. Какой смысл здесь вкладывается Гегелем в это понятие? С одной стороны, Гегель связывает свободу с целеполаганием: «необходимость слепа,... поскольку в ее процессе цель, как таковая, еще не есть **для себя**... Если же мы, напротив, рассмотрим целесообразную деятельность, то здесь в лице цели мы имеем содержание, которое уже известно заранее; эта деятельность поэтому не слепа, а зряча» [16]. Поскольку свобода есть характеристика целеполагающей деятельности, постольку применение Гегелем этого термина к закону несет на себе печать общего телеологического характера его системы. Вместе с тем понятие свободы имеет у Гегеля и другой смысл. Свобода понимается как проявление индивидуальности объекта, как независимое от внешних воздействий движение, или самодвижение: «...в то время как конечная материя получает свое движение извне, свободная материя движет сама себя» [17]. Именно в этом смысле использует Гегель категорию свободы, раскрывая содержание закона в аспекте самодвижения. Так, под «свободным механизмом» Гегель имеет в виду такой процесс, в основе которого лежит так называемая объективная всеобщность, в отличие от всеобщности, имеющей абстрактный характер. Если абстрактная всеобщность есть нечто внешнее по отношению к сущности данного процесса, то объективная всеобщность выступает как всеобщность, «определенная внутри себя», «обособляющая себя в себе самой», всеобщность как выражение имманентной сущности процесса. Именно эта объективная всеобщность и есть закон [18]. Другими словами, анализируя в аспекте самодвижения признак всеобщности закона, Гегель показывает, что под законом понимается не всякое всеобщее, а лишь всеобщее, выражающее имманентную сущность процесса. Соответственно закон, характеризующий «свободный механизм», выступает как «свободная необходимость».

Подобно двум видам всеобщности Гегель различает и два вида необходимости — внешнюю, или абстрактную, необходимость, и необходимость, которую он называет свободной. Понятие внешней необходимости Гегель иллюстрирует пониманием судьбы, характерным для античной трагедии. Судьба у древних — это необходимость, имеющая силу рока, покоряющая себе богов и людей, возвышающаяся над их индивидуальной особенностью, но сама лишенная индивидуальности [19] и потому выступающая как «нечто всецело безличное, не имеющее самости и слепое» [20]. Здесь под необходимостью понимается такое

---

[16] *Гегель.* Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 322, 323.
[17] *Гегель.* Энциклопедия философских наук. М., 1975, т. 2, с. 70.
[18] *Гегель.* Наука логики, т. 3, с. 171.
[19] См.: *Гегель.* Эстетика. М., 1969, т. 2, с. 214.
[20] *Гегель.* Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 325.

содержание, которое наступает на некое другое содержание и губит его[21]. Абстрактная необходимость, следовательно, это необходимость, внешняя по отношению к природе объекта, лишающая объект его индивидуальности, отчуждающая от него его собственную сущность. Напротив, свободная необходимость — это то, что не обусловлено другим. В этом смысле от необходимого «мы требуем, чтобы оно было тем, что оно есть само через себя,... мы его считаем простым отношением с собой, в котором отпадает обусловленность другим»[22].

Внешняя и свободная необходимость взаимосвязаны, это лишь различные стадии одного и того же процесса. Внешняя необходимость становится свободной, когда «объективная всеобщность познается субъектом в своем специфическом свойстве», когда «объект конституируется в этом всеобщем как субъект», «делает его своим предикатом», когда во «внешней объективности» сохраняется «субъективная индивидуальность»[23]. Другими словами, свобода — это свободное проявление индивидуальности объекта, а свободная необходимость есть необходимость, определяемая его имманентной сущностью, подчиняющая себе внешнюю необходимость в соответствии со своей специфичностью. Этот же оттенок понятия свободы мы находим и в марксистской философии. Так, например, характеризуя социальную деятельность, К. Маркс и Ф. Энгельс говорят о свободной деятельности, или самодеятельности, как о такой деятельности, в которой проявляется индивидуальность, сущностные силы действующего субъекта[24]. В условиях господства внешней необходимости деятельность утрачивает свой свободный характер. К. Маркс, характеризуя труд рабочего в буржуазном обществе, писал, что «деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя». Поэтому рабочий «чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций»[25]. Необходимым условием свободной деятельности является органическое единство внутренних и внешних факторов детерминации, когда внешняя детерминация процесса не ограничивает проявления его имманентной сущности. Так, например, говоря о коммунистическом обществе, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[26], К. Маркс и Ф. Энгельс имели в виду не ограниченную «неорганическими», чуждыми личности общественными условиями «самодеятельность», или «свободную деятельность», заключающуюся «в присвоении совокупности производительных

---

[21] Там же, с. 337.
[22] Там же, с. 322.
[23] *Гегель.* Наука логики, т. 3, с. 169, 175.
[24] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 145.
[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956, с. 563—565.
[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 447.

сил и в вытекающем отсюда развитии совокупности способностей»[27]. Здесь также речь идет о свободе как проявлении индивидуальности, проявлении имманентной сущности объекта, подчиняющей себе внешнюю необходимость.

Однако в марксистской философии термин «свободная необходимость» по отношению к закону может быть применим лишь постольку, поскольку речь идет о свободе, связанной с основанным «на познании необходимостей природы господстве над нами самими и над внешней природой»[28], т. е. для характеристики лишь социальной закономерности. Что касается более общего понимания закона, то этот термин здесь неприемлем, поскольку в его содержание включается представление о процессе сознательного целеполагания, являющегося специфической характеристикой социальной формы движения материи.

Необходимость, которую являет собой закон, рассматриваемый в аспекте самодвижения, не может быть названа и внутренней. Из марксистского понимания свободы так же, как и из гегелевской трактовки «свободной необходимости», следует, что интересующая нас форма необходимости складывается на основе органического единства внутренних и внешних факторов и условий изменения, когда внешняя детерминация процесса не ограничивает проявления его имманентной сущности, а, наоборот, способствует проявлению и развитию индивидуальности изменяющегося объекта. Эта особая форма необходимости, определяющая собой самодвижение объекта, может быть названа **субстанциальной** необходимостью. Так, например, К. Маркс, описывая процесс самодвижения стоимости, показывает, что в результате обращения денег в качестве капитала, стоимость вступает «в частное отношение к самой себе», становится «самодвижущейся субстанцией», «самодвижущимися деньгами, и как таковая она — капитал»[29]. Категория субстанции в данном случае характеризует изменяющуюся систему как носителя относительно устойчивых форм ее изменения, выражающих сущность данного целого.

Познание законов, характеризующих сущность какой-либо целостной системы, предполагает исследование ее качественной специфики. Так, К. Маркс, исследуя сущность капиталистического способа производства, выдвигает требование выделять специфические особенности этой стадии в развитии товарного производства и товарного обращения: «...производство товаров и обращение товаров представляют собой явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя объем и значение их далеко не одинаковы. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о differentia specifica [характерных особенно-

---

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 68, 71, 213.
[28] Там же, т. 20, с. 116.
[29] Там же, т. 23, с. 165, 166.

стях] данных способов производства, не можем ничего сказать о них, если нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения»[30]. В. П. Кузьмин, исследуя методологию качественного анализа в «Капитале» К. Маркса, показывает, что она включает в себя рассмотрение одного и того же явления в двух качественных аспектах — с точки зрения его качественной природы и с точки зрения его качественной специфики[31]. Так, К. Маркс сначала дает анализ общей качественной природы труда, а затем его конкретно-исторической специфики. Эта методология используется К. Марксом и при анализе других явлений экономической жизни общества. Если анализ качественной природы явления позволяет представить это явление как существенное и необходимое, то анализ качественной специфики предполагает рассмотрение противоречия в самой сущности явления, составляющего характерный для него способ существования, определяющего особенности его функционирования и развития. Без анализа качественной специфичности объекта невозможно выявить то «индивидуализированное содержание», которое, как писал Гегель, лежит в основе закона в собственном смысле — закона как «свободной необходимости»[32]. Именно исследование специфических качеств данного общественного организма — капиталистического общества — позволило К. Марксу, в отличие от классиков буржуазной политической экономии, открыть подлинно научные законы его функционирования и развития.

Одним из важнейших признаков всякого закона является то, что он «обусловливает течение событий в строго определенном направлении, определяет направление и характер развертывания событий»[33]. Особенность закона как субстанциальной необходимости состоит в том, что он определяет направление и характер изменений системы как целого. Выражая сущность целостной системы, ее качественную специфичность, закон как субстанциальная необходимость характеризует системные свойства объекта. Поэтому значение закона как субстанциальной необходимости может быть выявлено лишь с точки зрения принципа системности. Не случайно Гегель в качестве важнейшего условия проявления закона как «свободной необходимости» рассматривал наличие «свободного механизма». В современной науке разрабатывается представление о двух типах систем, различающихся характером необходимости, на основе которой происходит объединение их элементов. Речь идет о различии между так называемыми суммативными и целостными

---

[30] Там же, с. 124.

[31] См.: *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 99.

[32] См.: *Гегель.* Энциклопедия философских наук, т. 2, с. 98.

[33] *Туленов Ж.* Система законов и категорий диалектики. Ташкент, 1974, с. 24.

системами. Если объединение элементов в суммативную систему происходит на основе внешней необходимости и не представляет органического единства, то целостные системы характеризуются глубокой внутренней связью и взаимозависимостью элементов, позволяющей системе противостоять внешним воздействиям, сохраняя свою целостность[34]. Содержание закона как субстанциальной необходимости наиболее полно и отчетливо проявляется в функционировании и развитии целостной системы, поскольку направленность специфических форм взаимодействия ее элементов определяется результатом деятельности, или «целью» системы[35]. Это не означает, однако, что суммативные системы не охватываются принципом самодвижения. Диалектическое понимание системности предполагает признание единства суммативности и целостности[36]. Поскольку развитие суммативных систем определяется их включенностью в развитие более сложных целостных систем, постольку законы их изменения могут рассматриваться в аспекте субстанциальной необходимости.

Анализ категории закона с позиций принципа самодвижения показывает, что содержание этого аспекта закона раскрывается через особую форму необходимости. Всякий закон связан с необходимостью. Более того, необходимость указывает «на самый существенный признак закона, на наиболее значительную часть его содержания»[37]. Однако необходимость существует в многообразных формах и многообразие ее форм проявляется в многообразных сторонах содержания закона. С точки зрения принципа самодвижения, предполагающего рассмотрение всякого целостного явления в противоречивом единстве внутренних и внешних факторов его изменения, закон выступает как субстанциальная необходимость.

Многообразие форм необходимости может быть принято за основу той или иной классификации законов[38]. В основу классификации законов могут быть положены и различные типы субстанциальной необходимости. Поскольку субстанциальная необходимость характеризует сущность целостных систем, их качественную специфику, постольку законы могут быть классифицированы по типам необходимости, определяемым характером этих целостных систем, их субстанциальной основой.

Предельно общими типами целостных систем, образующих единство мира и специфицирующих в соответствии с особенностя-

---

[34] *Вяккерев Ф. Ф.* Проблема самодвижения в материалистической диалектике. Л., 1972, гл. 2.

[35] См.: *Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978, с. 72—73.

[36] См.: *Морозов В. Д., Морозов В. В.* Диалектика: системы и развитие. Минск, 1978, с. 8.

[37] *Налетов И.* Ленинская концепция закона и современное научное знание.— Коммунист, 1979, № 10, с. 52.

[38] См.: *Голубенко В. П.* Необходимость и свобода. М., 1974, с. 122.

ми своей структурной организации наиболее общие законы его самодвижения, выступают формы движения материи. Каждая из форм движения материи характеризует определенные типы целостности, обладающие специфической организацией, своеобразным характером взаимодействия со средой [39]. Переход от одной формы движения к другой означает качественное изменение типов целостности. Поэтому, как отмечают М. Ф. Веденов и В. И. Кремянский, понятие формы движения материи неразрывно связано с понятием качественной специфичности объекта. «Главная для данного объекта форма движения отображает качественную специфичность этого объекта **как целого**, а его подчиненные формы движения отображают специфичность частных взаимодействий его элементов» [40]. Будучи способом изменения качественно определенных типов целостности, форма движения материи характеризуется устойчивыми связями, определяющими специфику взаимодействия элементов данной системы и обеспечивающими сохранение ее как целого. Эта устойчивость изменений в рамках определенного типа целостности отражается в существовании специфических законов, присущих только данной форме движения [41].

Фундаментальные законы каждой из форм движения представляют собой проявление различных типов субстанциальной необходимости, так как они выражают специфическую сущность качественно различных систем. Так, например, фундаментальные физические законы выражают изменение таких общих свойств и характеристик материальных объектов, как скорость, масса, энергия, электрический заряд, спин и др. Эти характеристики настолько существенны, что из фундаментальных законов может быть выведено все многообразие форм физических изменений, а различные физические законы, относящиеся к качественно специфическим областям явлений, оказываются тесно связанными друг с другом путем предельного перехода [42]. Периодический закон, выступая основным законом химической формы движения как способа существования и превращения химических соединений, выражает сущность химической атомистики и определяет все многообразные формы химических процессов [43].

Закон обмена веществ между организмом и средой, характеризуя специфический способ существования живой материи,

---

[39] См.: *Афанасьев В. Г.* Проблема целостности в философии и биологии. М., 1969, с. 118.

[40] *Веденов М. Ф., Кремянский В. И.* Биологические формы движения.— В кн.: Пространство. Время. Движение. М., 1971, с. 454.

[41] См.: *Бутаков А. А.* Основные формы движения и их взаимосвязь в свете современной науки. М., 1974, с. 31—32.

[42] См.: *Кузнецов И. В.* Специфические черты форм движения материи.— В кн.: Пространство. Время. Движение. М., 1971, с. 346—360.

[43] См.: *Золтане Н.* Философский анализ понятия химической формы движения. Автореф. канд. дис. Киев, 1975, с. 10.

выражает наиболее существенную сторону биологической формы движения. Жизнь,— по определению Ф. Энгельса,— есть «способ существования белковых тел, существенным моментом которого является *постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой...»* [44] Основной социологический закон — закон определяющей роли способа производства в общественном развитии — выражает сущность социальной формы движения материи.

Субстанциальный характер необходимости, определяющей специфические законы форм движения материи, проявляется и в том, что эти законы характеризуют системные свойства объекта, определяют направление развития системы как целого. Современная биология, например, показывает, что отдельные звенья обмена веществ согласованы между собой и находятся в интегральной зависимости от целого. Этот особый тип взаимодействия живых систем как органически целостных обусловливает приспособительную направленность их процессов, связанную с выбором оптимального изменения структурных или функциональных свойств системы [45]. Специфика социологических законов как особого типа общественных законов состоит в том, что они «суть системные законы, т. е. относятся к обществу как целому, а не к отдельно взятым его сторонам» [46]. Закон определяющей роли материального производства выступает основным социологическим законом именно потому, что он наиболее рельефно выражает специфику социологических законов как законов системных. Именно благодаря связи всех основных сфер и областей общественной жизни с материальным производством «общество конституируется как целое, как социальный организм» [47].

Таким образом, законы, определяющие специфику формы движения материи, имеют характер субстанциальной необходимости, а сама форма движения благодаря этому выступает как самодвижущаяся система. Основная форма движения, максимально трансформируя внешние воздействия согласно своей внутренней природе, является причиной самой себя [48]. Рассмотрение закона с точки зрения принципа самодвижения дает ключ к анализу материи как самодвижущейся субстанции в единстве многообразных форм ее движения.

---

[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 616.

[45] См.: Философия и современная биология. М., 1973, с. 144—146.

[46] *Уледов А. К., Попов В. Д.* Социологические законы, познание и управление. М., 1979, с. 17.

[47] Там же, с. 18.

[48] См.: *Сидоренко В. М.* Классификация основных форм движения материи и принцип самодвижения. Куйбышев, 1978. Деп. 2157 в ИНИОН АН СССР.

В. В. ОРЛОВ
Пермский университет

Закон как детерминанта развития

Проблема закона в советской философской науке получила уже основательную разработку. Однако интимная диалектическая природа закона, связанная с его ролью детерминирующего фактора развития, исследована еще недостаточно. Нам представляется, что идея развития в ее глубокой диалектической сути далеко не полностью введена в понятие закона. Понятие закона как детерминанты развития не опосредовано диалектико-материалистической постановкой и решением **парадокса развития** [1].

Развитие есть **порождение** нового содержания. Сущность детерминации развития может быть понята только на основе концепции развития как движения от низшего к высшему, от простого к сложному, как **роста богатства содержания.** При этом понятие развития неизбежно встречается с парадоксом возникновения нового, которое, с одной стороны, должно **возникать, т. е.** появляться только в высшем, но с другой — должно содержаться в низшем, так как ему больше неоткуда появиться. Парадокс развития сводится к вопросу, откуда появляется новое, если его не было в низшем?

Решение парадокса заключается в признании возникновения нового как изначальной, ниоткуда не выводимой фундаментальной способности, которую следует принять как «данность», не пытаясь вывести ее из каких-либо более широких свойств материи. Каждое из фундаментальных свойств материи обладает внутренней спецификой, бытием «в себе», невыводимыми из других фундаментальных свойств материи, и принимается в качестве фундаментальной «данности».

Существенным элементом решения парадокса развития является идея преемственности: в развитии действительно возникает никогда не существовавшее содержание, однако оно не является абсолютно новым, ибо в низшем содержится **возможность** и **необходимость** возникновения нового, высшего.

Вводя в понятие детерминации идею развития не в ее наивном феноменологическом, а в опосредованном постановкой и разрешением парадокса развития виде, мы можем раскрыть интимную диалектическую сущность процесса детерминации.

Детерминация означает, что, с одной стороны, детермини-

[1] См.: *Орлов В. В.* Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь, 1966; *Он же.* Материя, развитие, человек. Пермь, 1974.

руемое содержится в детерминанте (ибо иначе последняя ничего не детерминирует), но, с другой — новое не может заключаться в детерминанте, ибо тогда не было бы детерминации (поскольку новое предсуществовало бы в низшем в готовом виде). Необходимо, следовательно, определить, как **предшествует** новое в детерминанте.

Существование нового, высшего в детерминанте есть особый способ бытия, которое характеризуется в одно и то же время как **возможное**, **потенциальное** бытие (ибо высшего как такового еще нет) и как **действительное**, **реальное**, **наличное** бытие (поскольку возможность и необходимость как таковые существуют реально). Возможное не является только небытием, оно представляет собой уже некоторую реальность.

Противоречивый способ реального бытия нового, высшего в низшем есть, очевидно, **направленность, тенденция.** Как реально существующая, направленность развития низшего является действительным **бытием**, как возможность и необходимость высшего она выступает в качестве еще **небытия** высшего. Таков, очевидно, способ существования каждой из основных форм материи (физической, химической, биологической, социальной) в предшествующей.

Детерминанта, таким образом, является противоречивым единством актуального и потенциального. Изложенное представление о детерминации позволяет связать понятие противоречия как внутреннего источника развития с понятием детерминации. Теоретическая процедура совмещения этих понятий является еще недостаточно разработанной.

На магистральной линии развития материи, составленной основными формами материи (типа физической, химической, биологической и социальной), каждая предшествующая форма материи выступает в качестве целостной детерминации возникновения ее высшей формы. Физическая форма материи порождает химическую, химическая — биологическую и т. д.

Возникновение сложного из простого было бы необъяснимым, если бы мы не учли, что низшее, простое заключает в себе более сложное **потенциальное** содержание. Однако потенциальное еще не есть само высшее и поэтому реальный процесс детерминации развития оказывается детерминацией сложного простым. Суть введения идеи развития в понятие детерминации заключается, следовательно, в признании того, что детерминация развития включает **приращение сложности**, которая не могла прийти в готовом виде из нижней ступени развития.

Коренной порок метафизической трактовки детерминации развития заключается в непонимании происходящего при этом приращения сложности, в попытке полного выведения детерминируемого содержания из детерминирующего.

Законы являются наиболее существенными детерминантами развития. Они определяют **основное** направление и **основные**

ступени развития, **основное** содержание развивающихся объектов. Так, всеобщие законы развития детерминируют переход **определенного** количества в **определенное** качество, переход в **свою** противоположность, закономерную смену ступеней отрицания отрицания, в конечном счете движение от низших ступеней развития к высшим. Законы развития общества определяют движение от низших общественно-экономических формаций к высшим. Законы развития представляют собой поэтому сложнейшую форму бытия, являются единством актуального и потенциального, несут в себе противоречие низшего и высшего, имеют многоуровневую структуру. Законы развития — это **сущностные тенденции** развития, детерминирующие процесс развития. «Всякое развитие,— писал К. Маркс,— независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой» [2]. Всякое развитие, с позиций К. Маркса, представляет собой, таким образом, закономерно детерминированную последовательность ступеней. Рассматривая необходимый характер эволюции Вселенной от примитивного плазменного облака до ее современного состояния, И. С. Шкловский употребил весьма меткое, на наш взгляд, сравнение плазменного облака с гигантским геном. «Невероятное разнообразие звезд, включая сюда и нейтронные звезды, планеты, кометы, живую материю с ее невероятной сложностью и много еще такого, о чем мы сейчас не имеем даже понятия,— в конце концов развилось из... примитивного плазменного облака. Невольно напрашивается аналогия с каким-то гигантским геном, в котором была закодирована вся будущая, невероятно сложная история материи во Вселенной» [3].

Концепция детерминации развития позволяет глубже поставить и решить проблему **начала** развития конкретных областей действительности, в особенности начала физической, химической, биологической и социальной ступеней развития. В наиболее общем виде эта проблема была поставлена К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. Большой теоретической ценностью обладает высказанное Ф. Энгельсом представление о диалектической природе начала живой материи, которое (начало) содержит в себе как бы в свернутом виде весь бесконечный ряд живых существ. «...Подобно тому как в спинной струне уже заключается в зародыше позвоночный столб, так и в впервые возникшем комочке белка заключается, как в зародыше,

---

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 296.

[3] *Шкловский И. С.* Вселенная. Жизнь. Разум. М., 1973, с. 100. См. об этом также: *Коблов А. Н.* Диалектическая концепция развития в физике.— В сб.: Философия пограничных проблем науки. Пермь, 1975, вып. 8.

«в себе» *«an sich»* весь бесконечный ряд более высоко развитых организмов»[4].

Заложенная в законах развития направленность, детерминация основных ступеней развития и их основных черт делает возможным предвидение и прогнозирование развития. Законы развития, благодаря их «априорности» по отношению к указанной части процесса развития, составляют основу прогностической функции науки. Исследование внутренней диалектической природы законов развития является поэтому важнейшей основой теории научного предвидения.

Диалектико-материалистическая трактовка детерминизма противоположна метафизическим, механистическим и идеалистическим концепциям детерминации — фатализму, телеологии, абсолютизации случайности. В отличие от метафизического и механистического фатализма диалектический материализм рассматривает процесс детерминации развития как процесс действительного возникновения нового на основе потенциального, неразвитого содержания, заложенного в низшей ступени развития. С позиций диалектического материализма законы развития определяют только основное направление, основные ступени и основное их содержание, но не предопределяют **всего** содержания развития. Согласно фатализму, напротив, все признаки объектов, вплоть до самых частных, полностью предопределены по отношению к любым, сколь угодно отдаленным моментам прошлого.

В противоположность телеологии диалектический материализм рассматривает закон как особую форму бытия, включающую в себя объективную направленность и исключающую какие-либо духовные факторы мирового развития — «цель», «промысел» и т. п. В противовес метафизической концепции абсолютно случайного, чисто вероятностного характера развития диалектический материализм рассматривает случайное как проявление и дополнение необходимости, не уравнивает и не отождествляет роль случайного и необходимого в развитии.

Коренная противоположность диалектического материализма указанным концепциям развития не всегда полностью учитывается в философских исследованиях последних лет. Так, некоторые авторы по существу отрицают направленный характер развития, не видят различия между телеологической и диалектико-материалистической трактовками направленности развития[5].

---

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 617.

[5] См. напр.: *Баженов Л. Б.* Некоторые замечания по поводу публикаций В. В. Орлова.— Филос. науки, 1974, № 5; *Шляхтенко С. Г., Бушуева Н. А.* Принцип всеобщей связи и направление развития.— В сб.: Проблемы диалектического материализма. Л., 1974, вып. 1.

Л. П. ТУРКИН
Свердловская высшая партийная школа

О соотношении закономерного и уникального в развитии

Диалектико-материалистическая философия, признавая принципиальную познаваемость бесконечно многообразного и изменчивого материального мира, необходимо включает в себя также и признание закономерного раздвоения этого мира на **существенное** и **являющееся**, признание закономерности явлений материального мира. «Самое непонятное в мире,— говорил А. Эйнштейн,— то, что он понятен»[1]. Та объективная основа, благодаря которой возможно как эмпирическое, так и научно-теоретическое знание, отображена категориями сущности и явления. А момент, реляционная сторона сущности, как известно,— закон[2]. Понятием закона общепризнанно в нашей философской науке охватываются устойчивые, повторяющиеся, необходимые связи, отношения в материальном мире. Диалектический подход подразумевает при этом, что повторяющееся, регулярное находится в единстве с неповторимым, иррегулярным, устойчивое — с изменчивым, необходимое — со случайным.

Данное положение несомненно применительно к законам **организации** и **функционирования** материальных систем: как в организации, так и в функционировании науке уже известно огромное множество повторяющихся связей, отношений. Однако применительно к процессу развития — этот процесс выходит за рамки организации и функционирования — названная проблема заслуживает дальнейшего исследования и обсуждения.

Под развитием в самом широком и общем смысле слова мы понимаем процесс вечного внутреннего обновления материи, тех форм, которыми она представлена, смену старого новым[3]. «Нужно понять,— писал Ф. Энгельс,— мир как процесс, как такую материю, которая находится в непрерывном историческом развитии»[4]. Категория развития отражает единый бесконечный материальный мир с точки зрения его процессуальности, учитывая все те существенные результаты, к которым приводит сово-

---

[1] Цит. по: *Кузнецов Б. Г.* Эйнштейн. М., 1963, с. 56.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 138.
[3] См.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 287.

купность совершающихся в нем изменений. Наиболее выпукло названные результаты представлены на магистральной, прогрессивной линии мирового процесса развития, понимаемой как становление высшего на базе низшего. Становление Солнечной системы, земной коры, биосферы, становление общества, коммунистической общественно-экономической формации — вот главные вехи этого процесса. Весь он отмечен узловыми точками становления принципиально нового, неповторимого, **уникального**. Автор не претендует здесь на конституирование категориального значения данного термина, понимая его в буквальном смысле — как единственное в своем роде, неповторимое. Все новое в первый момент времени рождается как единичное, уникальное, но затем, закрепляясь, перестает быть таковым по отношению ко всей предшествующей и бесконечной истории материального мира. Пока науке достоверно известны одна планетная система, одна жизнь и одно общество, и нет никаких серьезных оснований полагать, будто становление названных систем являет собой лишь повторение, воспроизведение того, что уже существовало в прошлом. Справедлива мысль, что «человек — это явление космическое по сути своего появления и по своему содержанию. Ценностный критерий человека выходит за пределы Земли, становится на уровень Вселенной» [5].

Даже если принять гипотезу экстенсивной распространенности жизни и цивилизаций в материальном мире, несомненной остается **автономность** процессов становления жизни и общества на Земле в отношении к другим звездным мирам. И в этом смысле названные события уникальны. Такого рода рассуждения справедливы также применительно к событиям меньшего масштаба — к отдельным явлениям в процессе органической эволюции и истории общества. Так, первоначально уникальны все те технические нововведения, которые кладут начало прогрессивным сдвигам в характере общественного производства. Таким образом, сама суть развития подразумевает порождение уникального, неповторимого, не укладывающегося в актуально реализованную обратимость, повторяемость, цикличность. Развитие являет собой диалектически противоречивое единство изменений как обратимых, так и необратимых. Но вся совокупность последних отнюдь не хаотична, а образует в целом определенным образом упорядоченный, направленный, закономерный ряд изменений, отчего весь процесс и характеризуется специальной категорией «развитие».

Внутренне упорядоченный, закономерный характер развития — фундаментальное положение материалистической диалектики — науки о наиболее общих законах развития природы,

---

[5] *Дубинин Н. П.* Диалектика происхождения жизни и происхождения человека.— Вопр. философии, 1979, № 11, с. 35.

общества и мышления. С одной стороны, развитие закономерно, что предполагает регулярность, повторяемость на всех его этапах. А с другой стороны, развитие необходимо порождает уникальное, неповторимое, выходящее в этой своей уникальности за рамки специфических законов предшествующих этапов развития. Такой парадокс создает тупик лишь для мышления антидиалектического, примером чего могут служить взгляды неокантианцев Баденской школы на исторический процесс, утверждавших на основе индивидуальности, неповторимости событий истории отсутствие каких бы то ни было объективных законов исторического процесса. Проблема соотношения закономерного и уникального в развитии не может решаться, как мы думаем, исключительно на уровне конкретно-научного знания, ибо все особенности, все специфическое (а особенное и есть предмет конкретно-научного исследования) преходяще в процессе развития, и повторяемость особенного, существующая более или менее длительное время, в конечном счете, не абсолютна, подвержена отрицанию. Проблема эта решается в диалектике применительно именно к **всеобщим** законам развития. На уровне всеобщего единство закономерного и уникального — одно из тех диалектических противоречий развития, которые не следует затушевывать «переводя» на язык других противоречий, редуцируя к ним. Констатируя такое **всеобщее** противоречие, диалектика наиболее выпукло оттеняет существо развития. Диалектичность здесь в том, что уникальное отчасти **включено** в закономерное, но отчасти **выходит** за его рамки, отрицает его, порождая новые специфические закономерности, что закономерность сама складывается как устойчивое сцепление ряда уникальных событий, что всеобщая закономерность существует и проявляется не иначе как чередование закономерностей специфических, свойственных отдельным этапам развития, а в этом и состоит многопорядковость, внутренняя иерархичность самой сущности развития. Всеобщие законы развития — сущность наиболее глубокая, проявляющая себя в конкретно-исторически преходящих законах организации, функционирования и отдельных этапов развития, но вместе с тем и отрицая все их конкретные формы. «*Вечные законы природы* также превращаются все более и более в исторические законы»[6],— подчеркивал Ф. Энгельс. Противоположность закономерного и уникального относительна: особая закономерность каждого этапа в развитии

---

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 553. В философской литературе справедливо подчеркивается историчность самих законов. См. напр.: *Griese A.* Philosophischer Gesetzensbegriff und dialektisch-materialistische Entwicklungstheorie.— Deutsche Zeitschrift für Philosophie, **1971, № 10**; *Бутаков А. А.* Изменчивость и устойчивость и проблема реальной истории объективных законов.— Филос. науки, 1973, № 5.

отрицается уникальным событием, кладущим начало новым закономерностям последующего этапа.

Отказываясь от редукции всеобщего противоречия между закономерным и уникальным в развитии к иным всеобщим противоречиям, можно и нужно показать их взаимосвязь, раскрыть структуру первого через многие и многие иные, и подобное опосредование образует теоретическое обоснование необходимости рассматриваемого противоречия. Наиболее близка по своему содержанию к рассматриваемой проблеме диалектика необходимого и случайного.

В нашей философской литературе все более признанным становится положение о статистическом характере картины мира: связь любых конечных состояний в материальном мире объективно неоднозначна, она, в принципе, могла бы быть и несколько иной. И это не колеблет традиционно трактуемого принципа причинности, если учесть диалектически противоречивый характер всеобщей связи, включающей в себя момент своего собственного внутреннего отрицания, момент автономности, взаимонезависимости отдельных явлений, событий, процессов. Причина с **необходимостью**, однозначно порождает данное следствие в данных **условиях.** Но где взять постоянные условия? Полная причина любого события комплексна и включает в себя, строго говоря, **бесконечное** число факторов, многие из которых взаимонезависимы, автономны. Вот почему какое-то одно сочетание всей совокупности детерминирующих факторов фактически всегда **уникально**, неповторимо. Понятие причины, однозначно порождающей следствие — это научная абстракция, с помощью которой следует мысленно синтезировать целостную картину фактически происходящих в мире событий. Абстракция одного и того же следствия одной и той же причины относится к сфере возможного, а не к сфере действительного, а в самой действительности для порождения одних и тех же следствий одной и той же причины никогда не возникает условий [7].

Признание объективности случая нередко сочетается еще со взглядом на него как на нечто малосущественное, «добавочное» к необходимости. Однако статус случайного распространяется не только на отдельные, локальные, малосущественные события, явления, но и на всю мгновенную конфигурацию связей бесконечного материального мира. Такое понимание восхо-

---

[7] Отметим, что для признания фундаментального значения неоднозначности в мире вовсе не надо пересматривать саму абстракцию причинности, вводя «вероятностную причинность», как это сделано, например, в работе: Философия естествознания. М., 1966, с. 230—238. Думается, правы те авторы, которые считают подобное понятие неудачным. См.: *Кузнецов И. В.* Категория причинности и ее познавательное значение.— В кн.: Теория познания и современная наука. М., 1967, с. 54; *Кравец А. С.* Вероятность и системы. Воронеж, 1970, с. 173.

дит к Лейбницу, для которого, по словам И. С. Нарского, «все в мире неповторимо и уникально», а «случайное есть синоним «фактически происходящего»[8]. В самом деле, причинно-следственные отношения объективно обладают гибкостью, пластичностью. Но причинность к тому же — лишь «малая частичка всемирной связи»[9]. **Вся** связь, складывающаяся на базе причинности как нечто единое, обладает еще большей внутренней гибкостью, и диалектическим единством необходимого и случайного является не только каждый конечный участок всеобщей связи, но и вся эта связь в целом. Нет никакой абсолютной необходимости в существовании каждой данной конфигурации связей в мире, ее абсолютная необходимость объективно-реально «опровергается» изменением ее, благодаря чему в самой жизни «доказывается» возможность и необходимость других состояний. Общая картина связей в мире удачно выражена в следующих словах Н. Винера: «Вселенная представляет собой не абсолютно жесткую структуру, а нечто, допускающее небольшие изменения в различных частях... Это мир, которому одинаково чужда окостенелость ньютоновой физики и аморфная податливость состояния максимальной энтропии или тепловой смерти, когда уже не может произойти ничего по-настоящему нового. Это мир Процесса, а не окончательного мертвого равновесия, к которому ведет Процесс...»[10].

Та всеобщая связь, о которой шла речь выше, будучи рассмотрена во времени, и есть процесс развития в самом широком смысле слова. Процесс этот, как видно, обладает внутренней гибкостью, является существенно статистическим, а потому и внутренне многонаправленным процессом, представляет собой диалектическое единство необходимого и случайного. Противоречие необходимого и случайного, как и всякое диалектическое противоречие, под определенным углом зрения, в своем ракурсе раскрывает или описывает внутренний источник изменения, развития, и его бесперспективно было бы рассматривать в застывшем, статичном состоянии. Необходимость всегда содержит в себе момент своего внутреннего отрицания — случайность. Это не внешнее отрицание путем отмены, устранения необходимости, а отрицание внутреннее, трактуемое как возможность и неизбежность изменения каждой конкретной формы проявления данной необходимости. Необходимость проявляет себя таковой только в действии, в процессе собственного внут-

---

[8] История диалектики XIV—XVIII вв. М., 1974, с. 195, 204. Признание объективности случая тождественно признанию неоднозначности связи состояний, принципиальной статистичности картины мира, а это, в свою очередь, тождественно признанию уникальности каждой мгновенной конфигурации связей в мире; таким образом, имеется прямое соответствие понятий случайного и уникального.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 144.

[10] *Винер Н.* Я — математик. М., 1969, с. 314.

реннего «творчества», только внутренне различившись через совокупность объединенных, связанных случаев. Она и есть связь, единство всех этих своих различенных моментов, реальный переход от одного к другому. Каждый такой момент — **случай**, который **необходим**, будучи включен в необходимость, составляя ее звено, и вместе с тем диалектически отрицается ею, заменяется другим случаем. Каждый случай в материальном мире в чем-то уникален, неповторим. Но каждый случай — порождение и звено развертывающейся во времени необходимости. Если случай включен в необходимость и существует лишь на базе необходимости, то и необходимость, в свою очередь, зависит от случая. Нельзя порвать нить времени из-за «несовершенства» настоящего, исторически случайной формы существования необходимости в каждый данный момент времени, хотя она, эта форма, действительно,— лишь однажды случившееся и не представляет собой всей необходимости. «...При общей закономерности развития,— подчеркивал В. И. Ленин,— во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»[11].

Каждая полоса развития обладает своеобразием, отличающим ее от всего предшествующего, а закономерное на каждом этапе всегда окрашено множеством случайных и уникальных событий. Но особый интерес в теоретическом отношении представляет собой переход от одной качественно своеобразной полосы развития к другой. Диалектическое отрицание в процессе развития как момент смены старого новым и тем более низшего высшим поначалу реализуется в форме уникального события, не укладывающегося полностью ни в прежние своеобразные закономерности, ни в некие новые, поскольку последние еще не успели сложиться. Сами законы развития, специфические по своему содержанию, конкретно-историчны, а уникальное событие (хотя и далеко не каждое) выступает **формой связи** одного этапа развития с другим, перехода от одних закономерностей к другим, отрицания старой закономерности и становления новой.

Весь спектр уникальных явлений, порождаемых развитием, чрезвычайно широк, но все они далеко не равноценны, уникальное уникальному рознь. Так, в свое время уникально было и творчество В. Хлебникова, и творчество В. Маяковского, но если первое остается достоянием сравнительно узкого круга людей, им интересующихся, то второе прочно закрепляется в системе духовной культуры социалистического общества. Творчество каждого крупного, великого художника всегда уникально, но вместе с тем открывает новую закономерную полосу в развитии искусства, закрепляясь и воспроизводясь последующими поко-

---

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 379.

лениями, находя своих приверженцев и продолжателей, реализующих все те возможности, которые порой не успел реализовать сам первооткрыватель. В конечном счете жизненно только то уникальное, которое кладет начало прочному разрешению специфических противоречий предшествующего этапа развития и становлению нового закономерного этапа.

Всякое уникальное событие содержит в себе и нечто всеобщее, и бесконечную иерархию особых, специфических черт, и единичные, неповторимые и в этой неповторимости неопределенные признаки. Определенность материальных объектов внутренне противоречива, являя единство качественной и количественной определенности. И та и другая (а они соотносительны и не существуют иначе как через свое соотношение) **опосредована** отношениями тождества с другими объектами или состояниями объекта, т. е. предполагает повторяемость, регулярность. А уникальное, единичное по самому смыслу «определенности» объективно неопределенно, его не с чем отождествить, оно содержит в себе абсолютный момент различий. Последние в большинстве своем смываются течением времени, уступая место новым единичным признакам, а порой порождая более или менее долговременные, но конечные, обрывающиеся, тупиковые ответвления развития. Но некоторые из таких событий закрепляются, кладут начало новому этапу, связуя тем самым нить бесконечного процесса развития. Каким образом и почему это происходит?

Результаты развития на каждом его этапе закрепляются в виде устойчиво функционирующих **систем**. Таковы основные формы движения материи как этапы, ступени мирового процесса развития — физическая, химическая, биологическая, социальная. Таковы и ступени меньшего масштаба, как, например, общественно-экономические формации в рамках социальной формы движения. Ритмичность, регулярность, закономерность процессов функционирования явно бросается в глаза, устойчивые системы связей внутренне динамичны и существуют в форме круговоротов воспроизводства. Но всякое функционирование сопряжено с малосущественными в каждый момент, однако постепенно накапливающимися необратимыми изменениями, переживающими постепенно новые условия, новое состояние среды, в конечном счете,— всего мирового континуума. Так, «изменение абиотической составляющей биосферы, ведущее к преобразованию организмов, во многих (если не в большинстве) случаев оказывается неизбежным следствием жизни»[12]. Не создавая сами по себе нового качества, такого рода изменения постепенно создают количественные предпосылки для его становления. А в механизме становления нового качества принципиаль-

---

[12] *Камшилов М. М.* Факторы эволюции биосферы Земли.— Вопр. философии, 1979, № 3, с. 136.

ную роль играют уникальные события, в огромной массе существующие на каждом этапе развития. Периодически и вполне закономерно возникают такие моменты, когда устойчивое функционирование систем старого качества начинает нарушаться, а некоторые уникальные события, напротив,— устойчиво воспроизводиться именно в своей уникальности. В сфере бесконечно многообразных и отчасти **неопределенных** уникальных событий происходит отбор новых, закрепляющихся качеств. Из неопределенности рождается новая определенность, из индивидуального — типичное, из единичного — новое качество.

Скачок — это нарушение, отрицание старой качественной определенности, когда старого качества уже нет, а нового еще нет. Скачок — это период известной неопределенности в движении, развитии [13]. Его можно отобразить, указав исходный пункт, т. е. старое качество, и конечный пункт, т. е. новое качество. В скачке есть момент определенности, который слагается из отрицаемого качества и идущего ему на смену,— в той степени, в которой последнее объективно предопределено. Но далеко не всегда бывают известны и объективно однозначно предопределены — как тот конечный пункт, в котором завершится скачок, так и траектория движения к этому конечному пункту.

Так, качественный скачок в общественном развитии — социальная революция — означает переход от одной общественно-экономической формации к другой. При характеристике этого периода истории, очевидно, недостаточно указать те черты старого общественного строя, которые подвергаются отрицанию; требуется указать также все промежуточные пункты изменения и раскрыть всю качественную определенность конечного пункта. И post factum это, конечно, возможно. Но в момент начала скачка однозначной предопределенности всего хода процесса нет, новая определенность находится в процессе становления и не может быть однозначно зафиксирована. «...Мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой,— писал В. И. Ленин,— а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п.» [14]. Такого рода детали развития есть не только в общественном развитии, но и в любом скачке. Непрерывно нарушая количественную определенность и периодически — качественную, развитие вообще — это то начало, которое отрицает всякую определенность отдельных, конечных объектов, а потому всегда включает в себя момент неопределенности.

Каждое уникальное событие в чем-то тождественно иным, в том числе — и свершавшимся в прошлом. В этом смысле в нем

---

[13] На существование неопределенности в период смены качества указано в статье: *Визир П. И., Готт В. С., Урсул А. Д.* Определенность, неопределенность и их взаимосвязь с другими категориями диалектики.— Филос. науки, 1972, № 3, с. 39.

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 381.

заключено, проявляется повторяющееся и закономерное; нет таких уникальных событий, которые не служили бы формой проявления закономерного. Но не это является здесь главным. Источник важнейших подлинно новых потенций будущего — именно в несколько неопределенной **единичности** уникального. Отрицая специфические закономерности предшествующих этапов развития, не укладываясь в них, она вполне соответствует более глубокой сущности развития, а кроме того — постепенно создавшимся новым условиям. Знаменуя собой разрешение специфических противоречий предшествующего этапа развития, будучи детерминировано всей совокупностью старых закономерностей, подобное событие служит основанием для становления новой закономерности по мере того, как начинает устойчиво воспроизводиться.

Подобный взаимопереход закономерного и уникального можно проследить на примере становления социальной формы движения материи и на примере становления коммунистической формации. Становление исходной «клеточки» социального саморазвития — элементарной социальной связи — трактуется как «необычный способ сцепления обычных для биологического мира явлений»[15]. Автономность, взаимонезависимость таких явлений служит основанием самой возможности подобного случая. Но подлинно новое в нем начинает далее устойчиво воспроизводиться, чем кладется начало действию специфически социальных законов. И существенно здесь уже не то, что роднит элементарную социальную связь со всеми предшествующими явлениями, а то, что отличает ее от них, то, что в первый момент уникально, но тем самым кладет начало и подлинно новому этапу в развитии, означая становление новой формы движения материи.

Когда В. И. Ленин подчеркивал «историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас»[16], речь шла о новой закономерности, которая **впервые** проявила себя. Принципиально иную роль начал играть здесь субъективный фактор в историческом процессе, партия, рабочий класс, народные массы впервые становятся субъектом сознательного изменения материальных общественных отношений. И в этой первоначальной уникальности данного исторического события — источник расширяющих масштабы своего действия новых законов, не существовавших в прошлом. Именно тогда родились те объективные законы, которые в развитом социалистическом обществе охватили все сферы и стороны общественной жизни и развернулся «этап его совершенствования на собственной основе»[17].

---

[15] *Плотников В. И.* Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1975, с. 134.

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 3.

[17] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. М., 1978, т. 6, с. 627.

Рождающееся в форме уникального события новое закрепляется в условиях **неравномерности** развития — закона, открытого В. И. Лениным [18]. Здесь существенно взаимодействие систем, находящихся на различных этапах, ветвях развития. Для судеб возникающих в развитии новых качеств немаловажно, с какой скоростью они формируются. Необратимому формированию и упрочению новой особенности всегда противостоит тенденция вовлечения ее в тот старый круговорот, из недр которого она вырастает. Новый устойчивый круговорот воспроизводства может возникнуть при том условии, если темп его формирования достаточен для преодоления инерции прежнего круговорота функционирования. Образно говоря, нужна достаточная центробежная сила, чтобы выйти за пределы прежней орбиты. Этим обстоятельством, возможно, объясняется такая, отмеченная Ф. Энгельсом, закономерность восходящего развития, как его ускорение [19]. Каждый последующий «виток спирали» возникает с большей скоростью, нежели скорость процессов на нижележащем «витке», в противном случае все возникающее новое неизбежно разрушается прежним круговоротом. Вытеснение старого новым совершается в условиях воспроизводства старого. Всеобщее развитие всегда включает в себя процессы, идущие с такой скоростью, что они не укладываются в ранее возникшие круговороты функционирования, а потому сопровождаются становлением круговоротов, все более и более интенсивных. Так, революционным сдвигам в общественной жизни обеспечен успех только в том случае, если становление нового, прогрессивного осуществляется интенсивнее, динамичнее, нежели воспроизводится старое, отживающее. В. И. Ленин, вслед за К. Марксом, не раз подчеркивал важность наступления в период вооруженного восстания как необходимое условие его победы [20]. За этими мыслями относительно переломных моментов общественного развития стоит и всеобщая закономерность становления и упрочения нового.

Уникальное в своих специфических чертах испытывает детерминацию со стороны законов предшествующего этапа развития, но полностью в них не укладывается. Становление подлинно нового этапа в развитии не уложить в схему прямой трансформации одной «саморазвивающейся системы» в другую. Гораздо чаще это зарождение и становление принципиально новой системы в условиях неустойчивости прежних структур, на основе распада старой системы, когда сужается сфера функционирования и эволюции старых систем. Вот почему трудно согласиться, будто «важнейшим исходным принципом материалистической диалектики в познании законов развития является

---

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.
[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 347, 620.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 374; т. 34, с. 242.

выделение целостной материальной системы, в рамках которой осуществляется процесс развития и в рамках которой он детерминируется»[21]. Диалектика конечного (раскрытая в цитированной статье интересно и содержательно) заслоняет здесь, однако, диалектику бесконечного. Чтобы «выделить целостную материальную систему», последняя **объективно** должна выделиться, конституироваться, а это происходит как **результат** развития. И вот законы развития предлагают вскрывать исключительно в одном из результатов этого развития. Выделение такого рода систем, конечно, важный момент, но трудно согласиться, что это исходный принцип в познании развития.

Все те противоречия, которые характеризуют развитие как **протяженный во времени** процесс — и среди них рассматриваемое здесь противоречие наряду со «старым» и «новым», «низшим» и «высшим»,— выходят за рамки локально-системных представлений. Воссоздавая общую картину развития, диалектика не фиксирует жестко ее пространственно-временные границы. Справедливо, на наш взгляд, что «нет никакого автоматизма процессов развития» и что «неправомерно было бы редуцировать структуру законов развития к сумме структур структурных законов и законов движения»[22].

Уникальное выглядит как отклонение от закономерного лишь на неглубоком, специфическом уровне сущности, но оно же закономерно в отношении более глубоких, общих уровней сущности. Оценка происхождения, роли и значения уникального события требует соотнесения его с различными уровнями многопорядковой сущности процесса развития. В ходе функционирования и эволюции капиталистического общества, как известно, создаются необходимые предпосылки для его отрицания и возникают силы, способные осуществить социалистическую революцию. Но трудно полностью оценить все существенные особенности социалистической революции, соотнося ее исключительно со специфическими законами капиталистической формации. Законы развития социалистического общества, отрицая законы капитализма, в большей степени соответствуют законам общесоциологическим. А стало быть и детерминировано данное событие не только одним уровнем сущности — той необходимостью, которую оно диалектически отрицает, но и уровнем более глубоким, в данном случае — общесоциологическим законом соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил. Далее, в жесткие рамки законов капиталистической формации не втиснуть становление идеологии рабочего класса и его политической организации, ибо детерминирующее воздействие здесь оказывают более общие, сквозные

---

[21] *Пахомов Б. Я.* Детерминизм и принцип развития.— Вопр. философии, 1979, № 7, с. 58.

[22] *Герц Г.* Закон, развитие, случайность.— Вопр. философии, 1978, № 8, с. 63.

тенденции общественного развития, которые, с одной стороны, сделали в свое время необходимым становление самого капитализма, а с другой — предопределяют его отрицание новым строем.

Диалектическое отрицание, выступающее в первый момент в форме уникального события, кладущего начало новому этапу, новым закономерностям, само является закономерным событием как таковое и регулируется всеобщим законом отрицания отрицания. «Возврат к старому на новой основе» — а это одна из сторон данного закона — означает, на наш взгляд, не обязательное повторение **специфических черт** пройденного, а воспроизведение типичных, описанных выше ситуаций, выступающих, однако, каждый раз в уникальной форме. В. И. Ленин, говоря об «общенаучном критерии повторяемости» [23], вытекающем из материалистического понимания истории, обращает внимание не только на сходное в процессе развития различных народов, стран, регионов, но и на наличие повторяемости при сравнении различных, достаточно масштабных этапов всего процесса в целом: неизбежность смены формации, воспроизведение общей структуры формации, обусловленность надстроечных отношений базисными и др.

Разрешающиеся противоречия предшествующего этапа вкупе с новыми, постепенно накопленными условиями — это та объективная основа, которая в гносеологическом плане делает предсказуемыми некоторые наиболее существенные черты грядущего нового. Таково предсказание классиками марксизма-ленинизма существенных черт коммунизма. Но названная детерминация не абсолютна, и многие черты нового не предопределены заранее однозначно, складываясь в процессе самого становления нового. «Когда классики марксизма-ленинизма, приподнимая завесу времени, набрасывали контуры социализма и коммунизма, они были чрезвычайно осторожны. Ни грана утопии. Никаких фантазий. Только то, что может быть научно доказано: основные тенденции развития, главные, принципиальные характеристики. Теоретически было ясно, что переход от капитализма к коммунизму захватит длительную историческую полосу, что новое общество будет подниматься с одной ступени зрелости на другую. Но какими конкретно будут эти ступени — знать наперед было нельзя» [24]. Таким образом, внимание науки всегда будут привлекать не только **закономерности** явлений материального мира и отображающего его мышления, но и уже свершившиеся или грядущие уникальные события в ходе развития, кладущие начало новым объективным закономерностям.

---

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.
[24] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 6, с. 623.

А. М. ХОХЛОВ
Оренбургский политехнический институт

Закон и случайность

В марксизме вопрос о связи закона и случайности рассмотрен во многих аспектах. Так, еще молодой К. Маркс представил закон как форму движения случайностей и как их «снятое» содержание. Он писал: «закон определяется в политической экономии через свою противоположность, через отсутствие закона; истинный закон политической экономии есть *случайность*, из движения которой мы, ученые, произвольно фиксируем в форме законов отдельные моменты» [1]. Позже, особенно в своем классическом труде — «Капитале», К. Маркс дал не только образцы анализа динамических и статистических законов, но и исследовал их взаимную связь, различные формы проявления, место случайности в них, представил случайность как диалектическую противоположность закона, включающуюся в сам закон и вместе с тем несущую миру социальных явлений автономность, беспорядок, хаос. Он отмечал, что как бы резко ни колебались рыночные цены на товары в зависимости от спроса и предложения, «общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ... в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения...» [2].

Вопрос о соотношении закона и случайности рассматривали многие авторы. В частности, Ж. Т. Туленов писал: «...не имеют силу закона случайные причинные отношения... Поскольку случайные отношения могут быть, но могут и не быть, в законе случайность исключается. Следовательно, случайные причинные отношения также не имеют силу закона. Дети, играя дома, включили электрическую плиту, которая перегрелась, и в доме возник пожар. Это событие, хотя и имеет свою причину, не является законом, так как оно могло быть, могло и не быть». И далее: «Отождествление закономерности с необходимостью приведет нас к признанию случайных явлений закономерными, поскольку случайность есть форма проявления необходимости» [3]. Понимание случайности как того, что может быть или не быть, является очень узким, односторонним, равно и разграничение случайности на два вида — форму проявления необходимости и

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 18.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 85.
[3] *Туленов Ж. Т.* Система законов и категорий диалектики. Ташкент, 1974, с. 256, 263.

дополнение необходимости. Утверждение Ж. Т. Туленова об абсолютном исключении случайности из закона не является философски обоснованным.

Один из важнейших аспектов рассматриваемой проблемы — это вопрос о том, какая случайность закономерна и какая нет? Это вопрос о том, выступает ли случайность в качестве внутреннего атрибута закона или выступает по отношению к нему чем-то внешним. Случайность в любом из законов есть форма проявления необходимости, но сама необходимость в одних законах выступает как непосредственная, в других — как распределенная. Это значит, что в одних законах случайность совершенно несущественна, а в других — весьма существенна. Стало быть, закон выступает то как форма выражения необходимости, то как форма выражения случайности. Это последнее выражение звучит как contradictio in adjecto. Но это противоречие легко объяснимо.

Случайности различаются не только степенью своей удаленности от необходимости, не только характером причинной обусловленности, но и различным тождеством с возможностью. Гегель вообще был склонен определять категорию случайности через категорию возможности. Однако такой подход к ее определению является односторонним. Нельзя понять природу случайности, рассматривая ее лишь как то, что может быть или не может быть. Апелляция к ее объяснению на основе категории необходимости обязательна. Сама случайность на этой основе оказывается расчлененной на два качественно определенных типа — единичную и массовую. Грани между ними относительны и подвижны, а потому и неопределенны. Очевидно также, что один вид случайности при определенных условиях переходит в другой. Неопределенность границ между ними не элиминирует их структурной специфики. Массовая случайность содержит в себе распределенную необходимость, характеризующуюся определенной величиной вероятности. Статистическая или вероятностная необходимость выступает как устойчивая сторона некоторого комплекса случайностей. По-видимому, когда этот качественно-определенный комплекс преобразуется, то исчезает не статистическая необходимость, а ее внешнее обнаружение, подобно тому, как стоимость продукта не исчезает, если он «снимает» с себя товарную «одежду» и выступает лишь как потребительная стоимость.

Если массовая случайность, образующая внутри себя качественно определенное единство, является полем действия статистических законов, то далеко не всякое статистическое описание представляет собой закон. Наряду со статистическими законами есть еще статистические регулярности. Если в первых случайности соединены между собой внутренне, то во вторых они выступают как нечто внешнее, рядоположенное. Социальная статистика Кетле, статистические отчеты государственных уч-

реждений, эмпирический материал конкретных социальных исследований и многое другое отражают простейшие статистические регулярности, но не законы. Разве можно назвать законом тот факт, что наибольшее количество уличных происшествий в Москве выпадает на период с 16 до 20 часов, а наименьшее — с 0 до 4 часов? Это самая обычная статистическая регулярность.

Категория случайности очень близка к категории возможности. Это нашло выражение и в попытках осмыслить понятие вероятности в двух парах категорий: «необходимость — случайность» и «возможность — действительность». Вероятность представляется то как объективная мера возможности, то как степень необходимости случайного события. Это результат того, что на сегодняшний день в науке нет обобщающего понятия вероятности. В математике классическое и частное определения вероятности не были общими. Различные аксиоматические построения теории вероятности есть лишь подход к решению проблемы, но сама проблема остается открытой [4].

Диалектический переход возможности в действительность связан с реальностью и конкретностью первой. Но возможность может быть не только реальной и конкретной, но и формальной, абстрактной. Гегель характеризовал формальную возможность через случайный способ ее превращения в действительность. Случайность как форма проявления необходимости тождественна действительности, но вместе с тем случайность есть тождество возможности и невозможности. Это тождество находит математическое выражение в законах распределения случайных величин. Но если одни из них выражают единство необходимости и действительности, то другие выражают тождество возможности и невозможности. Закон больших чисел, нормальные законы и другие виды распределения с относительно большим значением вероятности выражают меру необходимости случайного события [5]. Распределения с малой величиной вероятности, такие как распределение Пуассона и гипергеометрическое распределение, каждое из которых может быть соответственно названо «один шанс из миллиона» и «один шанс из четырнадцати миллионов», выражают тождество возможности и невозможности. Велика ли математически фиксируемая возможность этих распределений? Очевидно, что такие возможности разумные люди не будут принимать во внимание, отнеся их к области невозможного. А являются ли эти распределения законами? Да, являются, так как в них выражена не простая регулярность, а необходимая связь возможности и действительности, которая вследствие незначительной величины на передний план выдвигает случайность. Кстати, первое из этих распределений опи-

[4] См.: *Пятницын Б. Н.* Философские проблемы вероятностных и статистических методов. М., 1976, с. 323.

[5] См.: *Гнеденко Б. В., Хинчин А. Я.* Элементарное введение в теорию вероятностей. М., 1976.

сывает авиационные катастрофы и ряд других объективных процессов, второе — возможность выделения шести цифр в генеральной совокупности «спортлото», состоящей из 49 предметов, и другие аналогичные совокупности.

Герц в статье «Закон, развитие, случайность» верно отмечал, что многие дискуссионные вопросы физики и биологии можно решить, «учитывая результаты философских размышлений о соотношении закона и случайности» [6].

Он отмечает, что философская концепция статистического закона сближает случайность с возможностью и настаивает на дифференцированном подходе к анализу феномена случайности. «В соотношении закона и случайности,— пишет он,— философски релевантными являются возможности элементов, поведение системы и взаимоотношения системы и элементов в эволюции» [7]. Рассматривая статистические законы как значительный прогресс в науке по отношению к открытию динамических законов, он не разграничивает резко эти два класса законов и считает, что «применительно к поведению системы она содержит возможность необходимого осуществления (динамический аспект), причем элементы системы случайно осуществляют определенную возможность, соответствующую именно данному распределению вероятностей из всего существующего поля возможностей (стохастический аспект) и вместе с тем существует вероятность перехода элемента из одного состояния в другое (пробабилистический аспект)» [8]. Познание всех трех аспектов дает нам цельное представление о характере движения объекта. Таким образом, пробабилистский закон, о котором пишет Г. Герц, у него представляется как устойчивая связь в смене состояний объективно данного поля возможностей.

Одним из важных аспектов темы «закон и случайность» является вопрос о связи необходимой и случайной форм детерминизма, который нельзя решить по формуле: «случайность есть форма проявления необходимости и ее дополнение». Этот вопрос в свою очередь тесно переплетается с вопросом о соотношении закономерности и хаотичности, в которых выражается своего рода «двойная бухгалтерия бытия». Поле распространения принципа детерминизма в современной науке не имеет демаркационных границ. Мир нельзя поделить на две части, в одной из которых действуют законы, а в другой царит хаос. Их отношения не являются рядоположенными, а представляют собой тождество в различии [9].

---

[6] *Герц Г.* Закон, развитие, случайность.— Вопр. философии, 1978, № 8, с. 53.

[7] Там же, с. 57.

[8] Там же, с. 55.

[9] *Парнюк М. А.* Принцип детерминизма в материалистической диалектике. М., 1972, с. 288; *Друянов Л. А.* Место закона в системе категорий материалистической диалектики. М., 1981, с. 71.

Признавая наличие в объективном мире динамических и статистических законов, мы тем самым признаем необходимую форму детерминации в двух ее видах — непосредственной и распределенной. Встает вопрос: а что же тогда остается на долю случайной формы детерминации и существует ли она? Может быть, такой формы детерминации просто не существует? С подобными утверждениями мы встречаемся тогда, когда развитие материи представляется как закономерный жестко детерминированный процесс, а случайность оказывается побочным продуктом этого развития.

Но дело обстоит значительно сложнее. «Двойная бухгалтерия бытия» дает о себе знать не вне законов, а в них самих. Закон и хаос находятся в отношениях тождества и различия. Так, динамические законы, выражая непосредственные связи, не полностью элиминируют из своего содержания случайность, а лишь «переводят» ее во внешнюю область. Тело, подверженное действию динамического закона, имеет необходимую и случайную стороны. Эти случайные стороны, суммируясь, могут образовать или не образовать статистические регулярности. Но и в том и в другом случае их природа не меняется. Будучи единичными, качественно разнородными, количественно рассеянными, они создают хаос, являются источником беспорядка и иррегулярности. Статистический закон как устойчивая форма качественно определенного ансамбля случайностей тоже порождает хаос, но не своим внешним проявлением, а внутренним содержанием. Закон Д. К. Максвелла о распределении движения молекул газа по скоростям связывает в необходимую форму среднюю скорость движения молекул и их долю в общей массе при определенной температуре, а что касается каждой отдельной молекулы, то она движется по чисто случайной траектории, генерируя в поле молекулярного взаимодействия хаос. Таким образом, хаос, как и случайность, оказывается не по ту сторону закона, а в нем самом. Необходимость и закон, случайность и хаос — понятия в известной мере однопорядковые.

Если бы мир был конгломератом случайностей, хаотическим соединением вещей и событий, то он распался бы на свои составные части, а эти части соединялись бы между собой самым причудливым образом, препятствуя какой бы то ни было тенденции развития. Наоборот, если бы в мире господствовала только необходимость и закономерность жесткой детерминации, то его движение вперед было бы заранее предопределено. В первом случае предвидение будущего невозможно, во втором такое предвидение окажется достоверным. Но на самом деле мир не имеет в своем фундаменте одно из диалектических оснований. Он базируется на таких диалектических основаниях, которые раздваиваются. Абсолютизация какой-либо одной стороны явлений и событий мира ничем не оправдана. Почему мы должны взять в расчет количество, игнорируя качество, или обратить

внимание на необходимость, забывая о случайности? Почему форма предпочтительнее, чем содержание, или наоборот? Не следует ли эти и ряд других подобных вопросов снять с вершин абстрактной истины и поставить на конкретную почву с тем, чтобы получить не годный на все времена ответ, а такой ответ, который соответствует требованиям конкретной ситуации и подлинно диалектическому анализу.

В истории законы пролагают себе путь тоже через случайность. В ней действуют как динамические, так и статистические законы. К первым из них надо отнести наиболее общие законы исторического процесса, а также все те формационные законы, которые фиксируют связь жесткой детерминации. Но история не складывается за пределами деятельности людей, она есть сама эта деятельность. Различные воли различных людей в ней перекрещиваются и поэтому образуется среднестатистический результат. Там, где имеет место взаимодействие массы людей, пролагают себе путь статистические законы с их внутренним механизмом вероятностной детерминации. Статистические законы действуют и там, где перекрещивается множество человеческих воль, и там, где происходит пересечение в действии динамических законов общества. Можно даже говорить о возрастании роли случайности на отдельных этапах общественного развития, о расширении базы ее действия, а следовательно, можно утверждать идею возрастания статистичности общественного процесса[10]. Возрастание статистичности общественного процесса не тождественно росту в нем хаоса. Развитие познания и практики дает возможность использовать статистические законы в интересах общества и «снимать» стихийное, неблагоприятное обнаружение статистических регулярностей, суммирующихся из единичных случайных событий.

Ф. Энгельс отмечал, что в истории «на поверхности явлений, несмотря на сознательно желаемые цели каждого отдельного человека, царствует в общем и целом, по-видимому, «случай» [11]. Мы подчеркиваем слово «на поверхности». Отсюда возникает вопрос о ценности тех знаний, которые дает наука о законах и случайностях. Знание законов, разумеется, надо предпочесть познанию случайностей, особенно единичных, несущественных, входящих в естественный ход событий издалека. Закон, причинность, необходимость, вероятность, зафиксированные в науке, дают возможность всестороннего рассмотрения изучаемых явлений, не делая процесс познания их бесконечным, каковым он неизбежно оказался бы на путях случайных, возможных, единичных явлений.

Таким образом, закон и случайность не являются внеполо-

---

[10] См.: *Пилипенко Н. В.* Диалектика необходимости и случайности. М., 1980, с. 189—214.

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 306.

женными формами бытия, а взаимно проникают друг в друга. Есть два ряда законов — динамические и статистические, по-разному включающие в свое содержание случайность. Объективным критерием различения динамических и статистических законов является качественное различие между единичной и массовой случайностями. Первый вид случайности образует поле действия динамических законов, второй — статистических. Неопределенность границ между единичной и массовой случайностями является объективной основой того, что действие двух известных науке форм законов оказывается не рядоположенным, а обнаруживается в различных отношениях одного и того же объекта. Ни один объект не выпадает из поля действия того и другого закона. Признавая необходимую и случайную форму детерминации самостоятельными, мы приходим к выводу, что случайность генерирует хаос не за пределами законов, а в них самих: в динамических законах — с внешней стороны, в статистических — с внутренней. Закон и хаос выступают как две формы бытия объектов в их различных отношениях.

В. П. СТАДНИК
Уральский политехнический институт

Закон и цикличность

При обсуждении философского аспекта научного закона важное место занимает проблема повторяемости. Закономерное и всеобщее выявляется через установление повторяющихся связей и отношений. Как отмечает Ф. Энгельс, в выяснении законов «достаточно знать, что при одинаковых обстоятельствах повсюду *должно иметь место* одинаковое...» [1]. Но рассмотрение повторяемости лишь в качестве признака законосообразности односторонне отражает проблему воспроизводства в законах форм и состояний материи. Вопрос заключается не только в том, что истоки повторяемости лежат в действии законов: сама повторяемость служит предпосылкой и необходимой основой законосообразности движущейся материи [2]. Поэтому данное свойство должно быть связано с определенным классом процессов, которые бы обусловливали любые формы воспроизводства закономерного события. Иначе говоря, необходимо вычленить наиболее общее отношение, «ответственное» за воспроизводимый (повторяющийся) характер законов. На наш взгляд, основу такого отношения составляют циклические процессы. В данной статье будет рассмотрен вопрос о цикличности как результате и предпосылке воспроизведения в законах разнообразия материальных структур. В нашем анализе мы ограничимся лишь законами природы, полагая, что социальные законы требуют особого рассмотрения.

Со свойством повторяемости обычно связывают одновременное сосуществование множества сходственных структур или же развертывание этого множества во времени. И в том и в другом случае происходит воспроизводство относительно тождественного, восстановление ряда структурных особенностей материи. Вообще говоря, повторяемость есть выражение постоянства некоторых характеристик материального процесса. Например, воспроизводство таких фундаментальных структур, как элементарные частицы, поля, атомы, молекулы, звезды, галактики и другие, свидетельствует не только о повторяемости, но и о наличии непреходящих особенностей строения материальных систем. Особой формой повторяемости является сохранение отдельных объ-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 554.

[2] См.: *Кедров Б. М.* О повторяемости в процессе развития. М., 1961; *Полесовой М. П.* Проблема повторяемости в философии и естествознании. Горький, 1970.

ектов. В данном случае объект пребывает в состоянии воспроизводства своей качественной определенности.

Всякое повторение осуществляется через пространственный или временной интервал, следовательно, так или иначе связано с возвратами к структурам, уже имевшим или имеющим место. Поэтому важнейшим элементом повторения являются кругообразные процессы. Постоянство (стабильность) материальных форм и их внутренняя кругообразность — неразрывно связанные характеристики структурности материи. Они свидетельствуют о том, что различные формы воспроизводства воплощаются реально в кругообразных движениях. Как правило, это есть замкнутые «цепочки» взаимодействующих систем, сцепляемые между собой на основе обмена импульсами, веществом, энергией, информацией и т. д. Такие процессы можно выделить в любом материальном образовании. Именно в них достигается постоянство связей и отношений, поддерживается определенный режим изменчивости. Это хорошо видно на примере кибернетических систем, в которых устойчивость и регулирование находятся в тесной взаимосвязи. Здесь контур регуляции (круг) обеспечивает не только достижение цели регулирования, но и является организационным принципом обеспечения стабильности системы.

Свойство кругообразности в структуре материального процесса получило название цикличности и в последнее время рассматривается как важнейшая черта движения [3]. Но вопрос о связи цикличности с воспроизводством структурных форм почти не исследуется. А между тем множественность в пространстве и во времени сходственных структур (повторяемость) имеет самое прямое отношение к свойству цикличности движения. Ибо всякий материальный процесс в своей внутренней замкнутости (кругообразности) фиксирует определенный характер движения и тем самым выделяет собственное русло изменений. Эта включенность в некоторый поток событий находит свое отражение в законосообразности движущейся материи. Тем самым цикличность выступает как наиболее общая форма законосообразности — подчиненности явления определенным возможностям изменения. Цикличность как бы ограничивает движение, служит основанием его своеобразной «канализованности». Все пребывает в рамках потока, имеет собственную траекторию и в этом смысле подчинено закономерному течению событий. Структуру такого потока составляют замкнутые циклические процессы. Как замечает С. Т. Мелюхин, «цикличность оказывается внутренне связанной с самим существом законов, которые предполагают либо действительно совершающиеся, либо потенциально возможные циклические процессы» [4]. Таким образом, выясне-

---

[3] См. напр.: *Босенко В. А.* Диалектика как теория развития. Киев, 1966.

[4] *Мелюхин С. Т.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966, с. 284.

ние черт повторяемости и цикличности есть одновременно и выяснение наиболее глубокого принципа внутреннего порядка связи и развертывания элементов системы, вытекающих из ее сущности, из ее наиболее существенных связей и отношений.

Не случайно установление научных законов выражается в выделении круга условий, при наличии которого данный закон имеет место. Так, законы кибернетики справедливы для систем, замкнутых относительно информации, законы термодинамики — для систем, замкнутых относительно энергии, с понятием замкнутой системы связаны законы сохранения в механике и т. д. Очевидно, чтобы проникнуть в характер действия закона, необходимо иметь изолированную в определенном смысле систему. Условие замкнутости «на себя» выступает в данном случае как фактор выявления внутренней законосообразности.

Выбор определенного круга условий приводит не только к замыканию, но и к ограничению числа возможностей. Замкнутое — значит имеющее ограниченный спектр изменений. Поэтому цикличность выступает как показатель ограничения разнообразия возможных ситуаций. Вместе с тем цикличность не является выражением абсолютной замкнутости. Ограничение разнообразия надо понимать как противодействие расчлененности, как преодоление тенденции формирования все новых и новых возможностей изменения. Это значит, что внутренним содержанием цикличности выступает единство противоположностей расширения и ограничения разнообразия. Именно поэтому круговые процессы не являются абсолютно замкнутыми, но включают в себя возможность выхода за пределы данной кругообразности на основе собственных противоречий движения.

Заметим, что ограничение разнообразия не есть простое количественное уменьшение возможных путей формирования объекта. В данном случае мы имеем не только отрицание многоразличного, но и отрицание разрозненного, расчлененного. Поэтому ограничение разнообразия есть утверждение единообразного, монолитного. Так же и увеличение разнообразия не сводится к простой констатации роста многоразличия, но является показателем расчлененности. Следовательно, в понятие разнообразия необходимо вкладывать смысл преодоления единообразного. Отсюда вытекает, что единообразие включено в каждый элемент множественного и может существовать как его совокупный результат. Таким образом, в выяснении структуры цикличности ведущими являются противоположности разнообразия и единообразия, раскрывающие диалектику множественного и единого с точки зрения внутренней связи элементов целого в рамках единого основания.

В философской литературе понятие разнообразия применяется чаще всего вне связи со своей противоположностью. Это ведет к утрате его содержания как философской категории. По нашему мнению, данное понятие может служить характеристи-

кой структурности материи лишь при условии его единства со своей противоположностью — единообразием. Только находя определенность в «своем ином», разнообразие становится действительным отражением многоразличия материального процесса. Это многоразличие уже не будет простым набором «разного», а именно непрерывным беспокойством, неустанным преодолением своей противоположности. Отсюда и понимание разнообразного как текучего, подвижного, неустойчивого и т. д.

Важнейшим показателем связи цикличности с законами является распространенное в естественнонаучной литературе понимание законов как ограничения разнообразия возможных исходов [5]. В такой трактовке подчеркивается, что, во-первых, закон отражает существенное (фундаментальное) отношение и, во-вторых, выполняет ограничительную функцию: допускает одни формы связей и запрещает другие. Вместе с тем, поскольку ограничение разнообразия неотделимо от его воспроизводства, следует принять более сложную картину действия законов природы. С учетом цикличности всякий закон предстает противоречивым процессом, фиксирующим единство ограничения и расширения разнообразия. Иначе говоря, действительная актуализация закона и ограничивает, и создает возможные пути функционирования материальных систем. Закон может ограничивать лишь в том случае, если им же самим создаются условия для воспроизводства многообразия изменений.

Проиллюстрируем нашу мысль на примере закона существования биологической популяции. Известно, что благодаря естественному отбору популяция приходит к формированию генотипа, обеспечивающего высокую степень приспособленности особей к окружающей среде. Вместе с тем естественный отбор не приводит к генетической однородности. Популяции так же выгодно продуцировать неоднородность (разнообразие), как и однородность (единообразие). «Чрезмерная генетическая изменчивость,— отмечает Э. Майр,— столь же нежелательна, как и чрезмерная генетическая однородность» [6]. Благодаря генетическому разнообразию подавляется тенденция к чрезмерной специализации и сохраняется возможность эволюционной пластичности. Ограничение разнообразия как процесс формирования единообразного генотипа дополняется противоположной тенденцией увеличения разнообразия генетического материала. Оба направления взаимообусловливают и взаимоограничивают друг друга, в результате чего реализуется определенный закон существования биологической популяции.

Вместе с тем всякий научный закон односторонне отражает

---

[5] См.: *Эшби У. Р.* Введение в кибернетику. М., 1959, гл. 7.
[6] *Майр Э.* Популяции, виды и эволюция. М., 1974, с. 110.

единство и борьбу противоположностей разнообразия и единообразия. В основном фиксируется ограничение разнообразия, связанное с рассмотрением объектов с точки зрения их функционирования. Именно так обстоит дело с законами физики и химии, в которых выражена неизменность связей и отношений. При подходе к изучению объектов в историческом плане содержанием законов является расширение разнообразия. В эволюционной биологии, исторической геологии, космологии, космохимии и других науках, связанных с исследованием эволюции видов материи, мы сталкиваемся с необходимостью выявлять устойчивые (повторяющиеся) связи между этапами и состояниями развития. Поэтому в данных науках преимущественным направлением выяснения законов выступает расширение разнообразия.

В связи со сказанным представляется правильным рассматривать цикличность в качестве наиболее общего и существенного содержания любого закономерного процесса. В этом содержании мы отвлекаемся от многообразия отдельных законов и выделяем факт следования законосообразности вообще. Благодаря цикличности закономерная связь развертывается как внутренне противоречивый процесс, в основе которого лежит единство и борьба противоположностей ограничения и расширения разнообразия. Но в научных законах происходит неполное (одностороннее) отражение действительной законосообразности мира. В своем абстрактном выражении научные законы демонстрируют лишь неизменное и устойчивое. Поэтому циклические процессы сами по себе не сводятся к законам. Цикличность богаче по содержанию, так как является более конкретным (многосторонним) отражением законосообразности материи. Что же касается закона, то в своей гносеологической роли в качестве ступеньки познания он выступает как специфическое отношение одинаковости (неизменности, повторяемости) в потоке преходящего и текучего. Вместе с тем идея единства противоположностей ограничения и расширения разнообразия остается руководящей в понимании сути закона. Игнорирование одной из указанных противоположностей ведет к искажению представлений о характере протекания закономерного процесса. Например, истолкование законов только в связи с ограничением разнообразия ставит под сомнение факт подчиненности законам процессов расширения разнообразия и усложнения. Если же усматривать закономерное только в расширении разнообразия, то можно прийти к отрицанию идеи воспроизводства в законах ряда фундаментальных форм и состояний материи. Обе крайности приводят к отрицанию существенной роли цикличности во всеобщем движении и тем самым лишают законы их единого содержания.

В этой связи остановимся на современной трактовке космологического развития, разрабатываемой в рамках теории «го-

рячей Вселенной»[7]. Согласно данной теории, Вселенная развивается от первоначального сверхплотного состояния в результате «Большого взрыва». В ходе расширения материя усложнялась: образовались атомы, молекулы, звезды, галактики, планеты и другие состояния вещества, свидетельствующие о неуклонном расширении разнообразия и усложнении. Таким образом, наблюдаемая часть материального мира возникла как результат единого процесса, в котором когда-то началась эпоха галактик и звезд и который, вероятно, должен привести к возникновению материальных систем, принципиально отличных от наблюдаемых сегодня. Как вытекает из теории «горячей Вселенной», расширение разнообразия является ведущим процессом в мировом развитии материи. Что же касается ограничения разнообразия и возможности воспроизводства, то данный аспект не играет существенной роли в развитии Вселенной.

Согласно нашей точке зрения, нельзя истолковывать космологический процесс лишь в плане «чистого» увеличения разнообразия. Законосообразность материальных процессов, какого бы масштаба они ни были, предполагает наличие цикличности, являющейся основой воспроизводства форм и состояний материи. В современной космогонии этот факт подтверждается признанием реальности образования галактик и звезд в наше время[8]. Тем самым ставится под сомнение предположение о существовании специальной звездно-галактической эпохи. Выделение определенного промежутка времени для образования всех галактик и звезд неизбежно приводит к выводу, что настоящая эпоха должна смениться другой, в которой будут иметь место совсем другие космические объекты. Однако вряд ли возможен такой переход, поскольку современной наукой установлено наличие нескольких «поколений» звезд, свидетельствующих о воспроизводимом характере существования космических объектов. Об этом же говорит огромное разнообразие наблюдаемых типов галактик[9], что подтверждает мысль о различных условиях их возникновения, о пребывании на различных стадиях своего развития. Закономерность в космическом процессе предполагает сохранение ряда «неизменных» фундаментальных структур, которые воспроизводятся при подходящих условиях и которым невозможно приписывать эпохальность. К таковым относятся материальные образования в виде галактик, звезд, туманностей, планет и другие. Как правильно замечает А. Поликаров, воспроизводство определенных материальных формаций «следует рассматривать как общий закон природы»[10].

---

[7] См.: *Зельдович Я. Б., Новиков И. Д.* Строение и эволюция Вселенной. М., 1975.

[8] См.: *Амбарцумян В. А., Казютинский В. В.* Диалектика в современной астрономии.— В кн.: Ленин и современное естествознание. М., 1969.

[9] См.: *Воронцов-Вельяминов Б. А.* Внегалактическая астрономия. М., 1978.

[10] *Поликаров А.* Относительность и кванты. М., 1966, с. 256.

Приведенные соображения противостоят также точке зрения на мировое развитие как на всеобъемлющее движение, подчиненное закону возрастания энтропии. Например, В. Л. Лебедев считает, что закон возрастания энтропии является естественнонаучным выражением принципа развития в масштабе Вселенной[11]. Согласно В. П. Лебедеву, мир подвержен всестороннему действию данного закона, однако без того, чтобы придти к состоянию теплового равновесия. Не говоря уже о том, что вряд ли будет правильным ограничивать богатство мирового развития частным физическим законом, укажем на логическую противоречивость такой возможности. Ибо если мировой процесс развертывается в соответствии с законом термодинамики, а сущность данного закона состоит в достижении конечного состояния равновесия, то «тепловая смерть» должна наступить неизбежно. Нельзя исходить из подчиненности закону того или иного явления и при этом отбрасывать закономерный результат. Выводы релятивистской термодинамики о невозможности состояния теплового равновесия[12] убедительно свидетельствуют о том, что второе начало термодинамики не может оказывать «тотального» влияния на развитие Вселенной.

Позицию, сходную с позицией В. П. Лебедева, отстаивает Е. Ф. Молевич. Рассматривая необратимость в качестве ведущего принципа мирового развития, Е. Ф. Молевич приходит к выводу, что это и есть подтверждение факта определяющей роли закона возрастания энтропии в масштабе Вселенной. Но данный закон Е. Ф. Молевич истолковывает не в духе деградации и обесценения энергии, а совсем наоборот — как фактор сложности и многообразия материальных систем. «Подытоживая сказанное,— пишет Е. Ф. Молевич,— приходим к выводу, что наблюдаемое богатство состояний материального мира возникает и существует не вопреки, а в силу и на основе второго начала термодинамики»[13]. Такая трактовка известного физического закона преувеличивает его роль в мировом движении материи, произвольно приписывает не свойственные ему функции. Закон возрастания энтропии может быть только отдельной стороной (звеном) в закономерной тенденции материи к сохранению и возобновлению разнообразия своих форм, но не может обуславливать этот процесс во всей его полноте.

Как и всякий научный закон, второе начало термодинамики «схватывает» лишь отдельную «черточку» всеобщего движения. Поэтому необратимость в мировом развитии материи не тождественна той необратимости, которую характеризует термодинамический закон. И тем более нельзя смешивать философское

---

[11] См.: *Лебедев В. П.* Экстраполяция в космологических моделях.— Филос. науки, 1972, № 3.

[12] См.: *Толмен Р.* Относительность, термодинамика и космология. М., 1974.

[13] *Молевич Е. Ф.* Круговорот и необратимость в мировом движении. Саратов, 1976, с. 105.

представление о необратимости с отдельным ее проявлением на уровне физического закона. В сфере философских исследований содержание понятия необратимости можно выявить только в его неразрывной связи со своей противоположностью — обратимостью. Не имеет смысла отстаивать ведущую роль необратимости в мировом развитии материи за счет отрицания существенной роли в этом процессе обратимых движений. Необратимость в том и состоит, что она преодолевает (отрицает) противоположность, следовательно, только через нее утверждает себя.

В силу сказанного нельзя признать правильными попытки некоторых авторов, исходя из принципа неисчерпаемого разнообразия материи, представить мировое развитие как бесконечные переходы от «другого» к «другому». Например, Ф. А. Цицин полагает, что вполне «возможна последовательная модель Вселенной, где развитие не повторяется, где картина мира действительно бесконечно разнообразна, и чем дальше в пространстве и во времени от наблюдателя, тем более «диковинные» формы материи, законы природы преобладают и являются определяющими» [14]. Трактовка принципа неисчерпаемого разнообразия мира в плане возможности чередования в этом мире все более «разного» исключает циклические движения. Это ставит под сомнение законосообразность мирового процесса. Мы согласны с тем, что принцип разнообразия мира отрицает абсолютно «вечные» законы природы. Но остается вечно подчиненная законам материя. Поэтому речь должна идти о разнообразии в единообразном, об изменяемости в неизменном, о текучести в вечном, об относительности в абсолютном и т. д.

Таким образом, согласно нашей точке зрения, ни о каком увеличении разнообразия не имеет смысла говорить вне связи с противодействующей тенденцией. Картина Вселенной, эволюционирующей ко все более «другому», «диковинному», «сложному», «разному» и т. д., будет лишена внутренней законосообразности, если из нее исключить аспект ограничения разнообразия. Иначе говоря, только при учете цикличности возможно обосновать способность материи к сохранению и возобновлению ряда своих фундаментальных структур. Поэтому в вопросе о мировом развитии ближе к истине те авторы, которые опираются на идею круговорота материи [15]. Именно мировой круговорот как отражение всеобщей цикличности составляет основу законосообразности движущейся материи. Принцип любого закона — в одинаковых обстоятельствах повсюду должно иметь место одинаковое — находит единое основание, если рассматривать цикличность как всеобщее и универсальное содержание законосообразности всех явлений материального мира.

---

[14] *Цицин Ф. А.* Понятие вероятности и термодинамика Вселенной.— В кн.: Философские проблемы астрономии XX века. М., 1976, с. 477.

[15] См.: *Лойфман И. Я.* Круговорот как форма саморазвития материи.— Филос. науки, 1969, № 6.

В. А. КАНКЕ
Бийский techинститут

Временной аспект законов организации, движения и развития

Несмотря на то, что методологические вопросы научного исследования разнообразных процессов привлекают особое внимание современных ученых, временной характер последних нередко остается теоретически невыраженным. Острее всего ситуация выглядит там, где изучается история того или иного объекта [1]. Это и неудивительно, ибо здесь в соответствии с предметом изучения его временной аспект имеет особое значение, поэтому в теоретическом анализе он становится существенным элементом исследования.

Для того чтобы выразить в общефилософских категориях временной аспект действительности, необходимо обратиться к научной системе диалектического материализма. Поскольку понятие времени в этой системе не является изначальным, постольку для его характеристики особое значение имеет логика взаимоопределений базисных категорий диалектики, включающей в себя, как известно, не только моменты координации, но и субординации. Ядром диалектики является категория противоречия, богатство которой раскрывается в ее сторонах — аспектах связи (организации), движения (функционирования) и развития; переход от аспекта связи к аспекту движения и от него к аспекту развития и выражает логику диалектики [2]. Отсюда следует, что понимание категории времени состоит в том, чтобы определить ее место в этих переходах или, что то же самое, выразить временной аспект связи (организации), движения и развития. Такое понимание невозможно без выделения его центрального звена — существенного в связях, движении и развитии [3], то есть их законов, а затем и временного аспекта последних. Таким образом, интересующая нас проблематика сво-

---

[1] См.: *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность.— В кн.: Логика и методология науки. Философия и методология истории. М., 1977, с. 138; Проблемы временной организации живых систем. М., 1979, с. 3—4.

[2] См.: *Лойфман И. Я.* Развитие как базисная категория диалектики.— В кн.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976, с. 15.

[3] Связь есть единство тождества и различия, движение — единство устойчивости и изменчивости, развитие — единство преемственности и отрицания. См.: *Лойфман И. Я.* Развитие как базисная категория диалектики, с. 15—16.

дится в конечном счете к выяснению временного аспекта законов связи, движения и развития; в сущности это путь познания как самих этих законов, так и природы времени.

Итак, исходное звено рассмотрения — закон связи (организации) как логически предшествующий закону движения. Объективной основой связи, взаимосцепления противоположностей является их непосредственное или опосредованное взаимополагание. Здесь нет еще вопроса о том, изменчивы или неизменны взаимосвязанные между собой явления, ибо для разрешения этого вопроса констатации одного взаимополагания противоположностей недостаточно. Закон связи (организации) выступает как единство тождества и различия. Но, как справедливо отметил Б. А. Грушин, водораздел между категориями различия (и тождества.— *В. К.*) и изменения (и устойчивости.— *В. К.*) лежит как раз в факторе времени [4]. Это значит, что на уровне синхронной связи еще пока невозможно вычленить временной аспект как таковой. В эмпирическом плане он, конечно, имеется в виду, ибо реальные связь и тождество не могут существовать вне времени, теоретически же время остается невыраженным, неосвоенным.

Совсем по-другому обстоит дело на уровне закона движения: здесь временной аспект выступает в явном виде. Поэтому появляется возможность характеристики и сущности, и природы времени. «Движение есть сущность времени» [5], «количественное бытие движения есть время» [6]. Очевидно, что в данном случае мы фактически имеем дело с определением времени, включающим оба приведенных положения. Это определение является вполне строгим, ибо для его выражения используются такие философские категории, основное содержание которых фиксируется без непосредственного обращения к понятию времени.

Особое внимание следует уделить характеристике специфики времени как количественного бытия движения, ибо она обычно недостаточно используется при анализе проблемы времени. Последнее обстоятельство можно объяснить, на наш взгляд, лишь тем, что формула К. Маркса до сих пор не изучена должным образом. А между тем она обладает несомненными достоинствами. Такой вывод следует хотя бы уже из того, что определение времени как количественного бытия движения является частью методологии, использованной К. Марксом при создании им своего социально-экономического учения. И если истинность этого учения нашла свое подтверждение в практике людей, то в той же степени это относится и к истинности обсуждаемого определения времени.

Суть, выражаемая рассматриваемым определением времени,

---

[4] См.: *Грушин Б. А.* Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). М., 1961, с. 56.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 231.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 16.

состоит в том, что время всегда соотносится, вернее, образует единство, с определенным качественным уровнем движения. Только в рамках движения данного качества время действительно есть его (движения) количественное бытие и мерило. Так, общественно-необходимое рабочее время характеризует однокачественный, абстрактный труд, присущий той или иной общественно-экономической формации. Соответственно, время, скажем, гравитационных взаимодействий выражает их качественное тождество, закон их движения. Примеры такого рода можно продолжить. Всякий раз утверждение, что продолжительность таких-то процессов составила столько-то часов (минут, секунд и т. д.), не содержит каких-либо сведений об их индивидуальных, невременных особенностях; количественное бытие процессов при данном качестве существует лишь в одной вариации — временной. Она фиксируется величиной (числом) времени — длительностью. Поскольку же длительности могут быть самыми разными, постольку нетрудно выработать научное понятие последовательности явлений. Как видим, понятие времени является исходным относительно понятий длительности и последовательности, а не наоборот.

Далее. Рассматриваемое определение времени содержит в себе указание на неоднородность времени, существование его разнообразных форм. Последних, очевидно, столько, сколько существует качественных уровней движения материи. Особой форме движения соответствует и особая форма времени. Следует, однако, отметить, что при конкретизации этого ясного в философском плане положения на материале конкретных наук, например, геологии, биологии, социологии, приходится сталкиваться с серьезными трудностями[7], которые тем не менее, на наш взгляд, вполне преодолимы. Действительно, по сути дела в этих науках особенность той формы времени, которой они фактически занимаются, так или иначе, но находит свое выражение. На самом деле, если бы это было не так, то упомянутые науки не обладали бы во всем объеме прогностической функцией, включающей в себя задание определенных временных рамок, параметров прогнозируемых событий. Очевидно, что научное предвидение возможно лишь постольку, поскольку учитывается качественная особенность формы времени, присущей рассматриваемому классу явлений.

Итак, на уровне закона движения время выступает как количественная сторона движения данного качества. Время выражает и устойчивость движения, его однокачественность, и изменчивость, процесс развертывания этой однокачественности,

---

[7] См. напр.: *Гуревич А. Я.* Об исторической закономерности.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 61—62; *Симаков В. К.* Некоторые философские и методологические аспекты теории геологического времени.— В кн.: Методологические и философские проблемы геологии. Новосибирск, 1979, с. 151—181.

или, иначе говоря, закон движения. Там, где исследователя интересует количественное бытие движения, необходимо обращение к изучению и анализу временного аспекта закона движения — другого пути нет. Именно этим в значительной степени объясняется актуальность временной проблематики.

Однако и на уровне закона движения время еще не выступает во всем своем богатстве, всесторонности. Оно есть лишь аспект движения данного качества. Вместе с неизбежно наступающим преобразованием этого движения изменяется и присущее ему количественное бытие — время. Теперь получает свое выражение не только непрерывность последнего, но и его прерывность, дискретность, наличие разнообразных форм времени, не рядоположенных относительно друг друга, а находящихся в диалектической взаимосвязи. На уровне развития возникает сложный, единый временной поток, объединяющий частные формы времени. В зависимости от конкретной ситуации старая форма времени либо будет сохранена (так, на фундаменте физических форм времени развиваются биологические и социальные), либо подавлена (например, становление и развитие новой общественно-экономической формации рано или поздно приводит к «ломке» отжившей формы времени). Таким образом выясняется, что закон развития содержит в себе время как аспект характерного для него единства преемственности и отрицания.

Так как время есть аспект движения и развития, то очевидно, что тип единства преемственности и отрицания, характерный для его форм, в известном смысле повторяет, «копирует» преемственность и отрицание форм движения. Неправомерно поэтому игнорирование качественной специфики различных форм времени, а также присущего им типа преемственности и отрицания. Подобно тому как нет материи как таковой и движения как такового, нет и времени как такового. Время «слабых», ядерных, электромагнитных и гравитационных взаимодействий, органелл, многоклеточных организмов и семейно-стадных групп животных, родовой, рабовладельческой, феодальной, буржуазной и коммунистической формаций — это каждый раз не одно и то же. Учет этого факта позволяет в значительной степени конкретизировать содержание законов движения и развития.

Итак, каждый из законов организации, движения и развития имеет свой временной аспект. Та диалектическая связь, которая присуща этим законам, как бы повторяется в соотношении их временных аспектов. Отсюда становится понятной и логика воспроизведения времени в теории, в научном мышлении вообще.

Исходное звено здесь эмпирические факты, в том числе и временные параметры, длительности тех или иных процессов, измеряемые самыми обыкновенными часами. Как уже отмечалось, первый этап движения мысли заканчивается постижением

ею законов связи (организации). Уже на этом этапе движения мысли используются сведения о генетических связях [8], а значит, и информация о времени, но последнее не получает своего теоретического выражения. Необходимо, однако, подчеркнуть, что закон организации является обязательной ступенькой на пути к познанию времени как количественного бытия движения. Без законов организации, категорий тождества и различия не раскрыть содержания качественного бытия движения и его количественной изменчивости, то есть природу времени. С другой стороны, в адекватной его природе понятийной форме время предстает перед взором теоретика лишь на уровне законов движения и развития.

Следует отметить, что от эмпирической констатации процессов организации, движения, развития до их понятийно-теоретического отображения — путь немалый. Быть может, особенно наглядным это становится при концентрации внимания на временном аспекте явлений. Так, эволюционная теория Ч. Дарвина описывала законы развития биологических явлений, но их временной аспект еще не находил понятийного выражения; эта задача только начинает решаться современной биологией. В трудовой теории стоимости Д. Рикардо центральным понятием являлось понятие рабочего времени, но фактически эта теория не выходила за пределы законов организации. К. Маркс, преодолев узкие рамки законов организации, обнаружил новую временную характеристику — общественно-необходимое рабочее время [9], которая, кстати, до него никем не фиксировалась эмпирически. Наконец, такие физические теории, как квантовая электродинамика, теории «слабых» взаимодействий Маршака, Сударшана, Кабиббо, теория гравитационных взаимодействий А. Эйнштейна, теория ядерных взаимодействий сами по себе не выходят за пределы законов движения, хотя в них время и выступает в довольно рафинированной форме. Лишь в единых теориях взаимодействия элементарных частиц [10] намечается путь к синтезу теорий отдельных типов материальных взаимодействий, к научному выражению взаимоотношений их временных форм.

Таким образом, выяснение содержания временного аспекта законов организации, движения и развития — одна из актуальных проблем современной научной мысли.

---

[8] Выяснение содержания законов организации предполагает так называемый структурный анализ, а последний, в свою очередь, требует учета генезиса явлений. Ср.: *Грушин Б. А.* Очерки логики исторического исследования, с. 145—147.

[9] См.: *Канке В. А.* Проблемы времени в экономическом учении К. Маркса.— Экон. науки, 1979, № 5, с. 12—13.

[10] См.: *Вайнберг С.* Единые теории взаимодействия элементарных частиц.— Успехи физических наук, 1976, т. 118, вып. 3, с. 505; *Киржниц Д. А.* Сверхпроводимость и элементарные частицы.— Там же, 1978, т. 125, вып. 1, с. 169—193.

Г. С. ПАК
Уральский университет

Причинность, функциональность, закономерность

В марксистской литературе причинность, функциональность, закономерность относятся к числу основных понятий детерминизма. Однако в трактовке содержания данных понятий, их места и роли в концепции детерминизма имеются существенные различия. В частности, встречается отрицание универсальности принципа причинности на основе трактовки причинно-следственной связи как строго однозначной и абсолютно необходимой [1] и, с другой стороны, сведение всего богатства объективных связей, включая функциональные, к причинности [2]. В настоящей статье обосновывается представление о единстве причинности и функциональности как двух универсальных аспектов закономерной детерминации явлений.

К настоящему времени не сложилось единого понимания причинных и функциональных связей. Это делает необходимым предварительную характеристику соответствующих понятий. Термины «причинная связь» и «функциональная связь» служат для выражения всеобщей обусловленности явлений. Причинность как особый тип связи характеризуется двумя основными признаками: необходимостью и порождением, т. е. ядро причинного отношения составляет «необходимая производительность» (М. Бунге). Прежде чем подойти к определению функциональной связи, нужно отметить, что в нашей литературе не всегда проводится различие между функциональными связями и связями функционирования. Например, функциональный анализ многими авторами понимается как выяснение устойчивой связи, существующей между элементами исторической системы [3], как изучение связи, несущей нагрузку по воспроизведению общественной структуры [4], как познание взаимосвязи определенного со-

---

[1] См.: *Векуа Г. Е.* Место и роль причинности в современной науке; *Еркомаишвили В. И.* Детерминизм, причинность и случайность.— В кн.: Актуальные проблемы детерминизма. Мат-лы Всесоюз. конф. Тбилиси, 1980, с. 3—6, 14—18.

[2] См.: *Розенталь М. М.* Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967, с. 78; *Суханов И. В.* Закон и закономерность.— В кн.: Проблема социальной закономерности. Горький, 1978, с. 56.

[3] См.: *Кон И. С.* Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки.— Вопр. истории, 1963, № 9, с. 60.

[4] См.: *Барг М. А.* О некоторых предпосылках формализации исторического исследования.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. Казань, 1967, с. 27.

циального целого и его элементов [5]. Такой подход можно объяснить тем, что понятия функциональной связи и связи функционирования производны от одного термина «функция», содержательная неопределенность которого не раз служила предметом недоразумений и дискуссий. Вместе с тем различение этих видов связи осуществимо, если будет указано их реальное основание. Функциональная связь как одно из проявлений взаимодействия устанавливает зависимость между переменными величинами, изменяющимися событиями и явлениями. Этот вид связи является наиболее абстрактным, простым и распространенным, в то время как связь функционирования представляет собой его конкретизацию и характеризует связь элементов в системе по способу их деятельности. Системность объекта есть необходимое условие существования связей функционирования.

Взаимодействие является исходным пунктом развертывания отношения детерминации. Причинность (отношение порождения) и функциональность (отношение соответствия, отображения) суть универсальные внутренне связанные аспекты детерминации [6]. Буржуазные философы и социологи пытаются представить взаимодействие как соотношение только равноправных сторон, что выражается в абсолютизации функциональных связей. Идея функционального единства общества, по их мнению, несовместима с причинным первенством какого-либо фактора изменения, она подчеркивает равноправие различных сторон общественной жизни и указывает на их взаимодействие. На необходимость преодоления односторонности подобного функционального анализа указывал В. И. Ленин. На полях конспекта гегелевской «Науки логики» он отмечал: «только «взаимодействие»-пустота», уже у Гегеля мы находим «требование опосредствования, в чем как раз прежде всего и заключается дело, когда применяют отношение причинности» [7]. В качестве примера возьмем взаимодействие различных форм общественного сознания. Их изменения функционально скоординированы, вместе с тем они причинно обусловлены, в конечном счете в качестве такого детерминирующего фактора выступает способ производства материальных благ. Категории причины и следствия позволяют выявить субординацию социальных факторов, последовательно провести принцип материалистического понимания истории. Каузальность выступает основанием функциональной связи.

При рассмотрении структуры каузальной связи важно выделять причину (главный порождающий фактор) среди совокупности условий, в противном случае мы придем к кондицио-

---

[5] См.: *Петров Ю. В.* Причинность в исторической науке. Томск, 1972, с. 218.

[6] См.: *Лойфман И. Я.* Причинность и детерминизм.— В кн.: Категория причинности в диалектической концепции связи. Свердловск, 1974, с. 6—7.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 146—147.

нализму. В качестве опосредствующего звена причины и следствия выступают условия, или совокупность явлений, функционально связанных между собой. Функциональность в таком смысле суть внутренний аспект причинности. Поэтому, на наш взгляд, правильно отмечает С. Ш. Авалиани, что решение проблемы многозначности причинности следует искать в роли условий в процессе осуществления причинно-следственной связи [8]. Согласно этому подходу причинность и случайность не исключают друг друга, многозначность понимается как обусловленная внутренними факторами и является атрибутивной характеристикой каузальности. Таким образом, причинная и функциональная детерминация явлений всеобщи и неразличимы по объему, существуют не одна наряду с другой, а взаимополагают, взаимообуславливают друг друга.

Анализ объективно-реальных связей, в частности причинных и функциональных, в сфере явлений предваряет рассмотрение причинности и функциональности на уровне их сущности, закономерности. Ф. Энгельс подчеркивал, что «для того, кто отрицает причинность, всякий закон природы есть гипотеза» [9]. Подмена причинного объяснения исторической судьбой, воспроизводящей трагические умонастроения современного капиталистического общества (Ф. Мейнеке, Г. Мамзен, Г. Риттер и др.); оценка каузальной связи как надуманной игры в «причины» и «следствия», игры, излюбленной историками прошлого (Ф. Бродель) [10]; провозглашение универсальным методологического приема корреляции, не включающего в себя причинную связь (Э. Питц) [11]; абсолютизация структурно-функционального подхода не позволяют буржуазной историографии и социологии подняться до обнаружения естественноисторических законов развития общества.

Факт единства причинных и функциональных связей, установленный в сфере являющегося, детерминирован их единством в сфере сущности. Но трудность заключается в том, как заметил еще Гегель, что мир законов и мир явлений соотносятся как отрицательные, «перевернутые» изображения друг друга. На наш взгляд, закон причинности и закон функциональности обладают относительной самостоятельностью. В определенных пределах их разделение является вполне оправданным. Установление сущностного единства связей причинных и функциональных (единства законов причинных и функциональных) возможно уже не через соотнесение одного понятия с другим, а че-

---

[8] *Авалиани С. Ш.* К проблеме многозначности причинно-следственной связи.— В кн.: Актуальные проблемы детерминизма, с. 24—28.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 547.

[10] *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность.— В кн.: Философия и методология истории. М., 1977, с. 118.

[11] *Питц Э.* Исторические структуры. (К вопросу о так называемом кризисе методологических основ исторической науки).— Там же, с. 194.

рез установление их взаимосвязи с третьим понятием — понятием закономерности.

Большинство авторов определяет закономерность как единство законов данной области, в котором закон выступает в качестве отдельного элемента [12]. На наш взгляд, такое разграничение понятий закона и закономерности является относительным. Вместе с тем нецелесообразно проводить различие между законом и закономерностью только в гносеологическом плане [13].

Дискуссионность проблемы соотношения закона и закономерности во многом связана с тем, что закон и закономерность характеризуют одну и ту же сферу сущности, а именно область необходимого, повторяющегося в существенном, отчего их нельзя считать разными по объему, сопоставлять как родовое и видовое понятие. Закон охватывает повторяющиеся, устойчивые, общие, необходимые, существенные отношения. «Ни одно из взятых отношений не есть закон. Только снятые в едином отношении все они характеризуют закон... Взаимосвязь всех этих признаков образует определенную систему отношений, обладающих такими свойствами, которых не было у образующих элементов» [14],— отмечает В. Г. Артемова. Признаки закона определенным образом соподчинены, прежде всего это связь существенная, выражающаяся далее в атрибутах всеобщности и необходимости, формой которых выступает повторяемость явлений. Давая такую дефиницию закону, мы берем самое общее, свойственное всем законам, и абстрагируемся от различий между ними (особенное и единичное), от взаимосвязи и взаимопереходов отдельных законов. Закономерность является понятием более конкретным, чем закон, так как служит для отображения интегрального характера изменения сферы сущности, выражая единство и взаимопереход объективных законов. Далее, закономерность и закон можно соотнести как процесс и результат. И в этом отношении понятие «закономерность» является более конкретным, так как выражает не просто отношение между сущностями, а противоречивое движение этих сущностей. Но в другом отношении закон является более конкретной категорией, а именно при выявлении деталей, моментов сферы существенного закон выступает средством дифференциации единого закономерного процесса. Обращение к категории «закономерность» в данном случае обусловлено тем, что она выражает процессуальность закона. В законе как результате непосредственно пред-

---

[12] См.: *Тугаринов В. П.* Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1955; *Мишин В. И.* Социальная закономерность. Горький, 1970; *Уледов А. К.* Социологические законы. М., 1975; *Сирин А. Д.* Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979; и др.

[13] См.: *Друянов Л. А.* Место закона в системе категорий материалистической диалектики. М., 1981, с. 10.

[14] *Артемова В. Г.* Содержание и структура категории «закон».— В кн.: Проблема социальной закономерности, с. 18.

ставлен лишь один вид связи. Мы уже отмечали, что имеет место деление законов на причинные и функциональные. Такое разделение является относительным, поскольку генетические и негенетические отношения в объективном мире неотделимы друг от друга [15]. Закономерность в силу своей процессуальности интегрирует причинные и функциональные связи на уровне их сущности в единое целое. Абсолютизация этого момента служит источником их отождествления. Наглядно соотношение причинности, функциональности, закономерности можно представить в виде параллелограмма сил, где равнодействующая выступает как тенденция, которая и есть закономерность, имеющая причинную и функциональную составляющие. Например, историческая закономерность создается под воздействием многих детерминант, пересекающихся между собой и вступающих в сложные взаимодействия. Закономерность отражает в себе многообразие и разноплановость реального процесса истории. В ней наблюдается повторяемость связей, явлений общественного развития и в то же время индивидуальность, особенность конкретного выражения этих связей. Такая закономерность как цель исторического познания есть результат всестороннего и детального анализа всей совокупности явлений жизни общества во всех ее аспектах [16].

Итак, единство причинных и функциональных связей не есть одинаковость, ибо это худший вид единства (Гегель). Их единство носит диалектический характер. В нем снимается противоположность функциональности и причинности, причем это снятие предстает как взаимное опосредование причинных и функциональных связей и ведет к исчезновению жесткой однозначности отношения между причиной и следствием и жесткого соответствия, равноправия функционально связанных факторов. В сфере существенного единство этих видов связи выражается в закономерности, в которой непосредственно могут быть выделены функциональный и причинный аспекты.

---

[15] См.: *Корнилов В. М.* Причинность и закон.— В кн.: Категория причинности в диалектической концепции связи, с. 18.

[16] См.: *Гуревич А. Я.* Об исторической закономерности.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 63—64.

5 Заказ 369

М. Н. АБРАМЗОН
Уральский университет

Отбор состояний как общая закономерность функционирования и развития

В окружающем нас мире мы встречаем системы самой разнообразной сложности и организованности. Наиболее сложные и высокоорганизованные из известных нам систем — биологические и социальные — поражают нас чрезвычайно высокой степенью согласованности движений их элементов в пространстве и времени, очень точной «пригнанностью» элементов друг к другу и к внешней среде. Как могла возникнуть столь высокая организация?

Этот вопрос давно привлекал внимание ученых. Еще Ч. Дарвин вскрыл один из основных механизмов саморазвития живой природы — отбор организмов, наиболее приспособленных к условиям существования. В наше время М. Эйген показал, что отбор наиболее жизнеспособных систем мог играть важную роль уже на стадии предбиологической эволюции [1].

Однако во многих случаях повышение уровня организации системы (самоорганизацию) не удается непосредственно связать с такого рода отбором. Так обстоит дело, в частности, с процессами кристаллизации, полимеризации, морфогенеза, адаптации животных и человека к условиям среды. Поэтому в ряде работ предпринимаются попытки выявить наиболее общие условия и механизмы самоорганизации в системах самой различной природы [2].

Наиболее часто процессы самоорганизации связывают со структурным усложнением систем [3]. Ряд авторов подчеркивают неразрывную связь структурных перестроек с изменением характера движения систем, причем самоорганизация связывается с увеличением степени упорядоченности движения [4].

С этой точки зрения представляет интерес следующий во-

---

[1] *Эйген М.* Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. М., 1973.

[2] См. напр.: *Эшби У. Р.* Принципы самоорганизации.— В сб.: Принципы самоорганизации. М., 1966, с. 314—343; *Пригожин И., Глансдорф П.* Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. М., 1973; *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980.

[3] *Пригожин И., Глансдорф П.* Термодинамическая теория структуры...; *Грушин Б. А.* Опыт анализа объективной структуры процесса развития.— Вопр. философии, 1961, № 2, с. 120—121.

[4] *Хакен Г.* Синергетика, с. 133; *Седов Е. А.* Эволюция и информация. М., 1976, с. 28—31; *Пушкин В. Г.* Кибернетические принципы самоорганизации. Л., 1974, с. 19.

прос: при каких условиях переход неупорядоченной формы движения в упорядоченную становится необходимым, закономерным процессом? Рассмотрим несколько примеров, которые могут подсказать нам ответ на этот вопрос.

Пример 1. Образование молекул из атомов.

Для определенности рассмотрим образование молекулы водорода из двух атомов водорода. До тех пор пока атомы движутся независимо друг от друга, их траектории хаотически заполняют все фазовое пространство. Но после того как атомы вступили во взаимодействие и образовали молекулу водорода, картина их движения коренным образом меняется. Теперь уже состояние нашей системы изменяется лишь в пределах гиперплоскости, определяемой условиями равенства координат и импульсов обоих атомов (если считать молекулу точечной и пренебречь вращательными и колебательными степенями свободы). Другими словами, взаимодействия атомов друг с другом переводят эту гиперплоскость в себя, то есть оставляют ее инвариантной.

Таким образом, процесс образования молекулы из атомов оказывается эквивалентен «поглощению», «захвату» состояния системы инвариантной гиперплоскостью.

Очевидно, что те же самые рассуждения проходят и в том случае, когда мы имеем не два атома, а произвольное количество относительно простых молекул, из которых образуются более сложные молекулы.

Пример 2. Восприятие информации.

Этот пример очень важен для понимания закономерностей развития, так как «всякое развитие может характеризоваться увеличением количества информации, сохраняемой развивающейся системой»[5]. Обычно под информацией понимают «то, что устраняет неопределенность», а мерой информации служит устраняемое ею количество неопределенности[6]. Это означает, что получение системой сообщения, содержащего информацию, вызывает сжатие области неопределенности. Если же сообщение не несет никакой информации (например, содержание сообщения уже известно системе), то эта область переходит в себя, то есть оказывается инвариантной по отношению к данному сообщению. Следовательно, приращение организации системы, доставляемое полученной ею информацией, также оказывается связанным с поглощением состояний системы некоторой инвариантной областью — «областью неопределенности».

Пример 3. Адаптация системы к среде.

Основное правило адаптации по методу «проб и ошибок» Эшби формулирует следующим образом: «Если проба не достигла цели, поведение должно быть изменено; тогда и только

---

[5] *Седов Е. А.* Эволюция и информация, с. 112.
[6] *Эшби У. Р.* Введение в кибернетику. М., 1959, с. 16.

тогда, когда цель достигнута, форма поведения должна быть закреплена»[7].

Таким образом, из всех возможных форм поведения адаптивной системы сохраняются лишь те, которые обеспечивают достижение цели при данных условиях среды. Это означает, что множество внутренних состояний системы, дающих на «выходе» адаптивное поведение, представляет собой инвариантную область.

Заметим, что эта инвариантная область определяется взаимодействиями системы со средой. Если система попадет в другую среду, то прежняя инвариантная область теперь окажется неинвариантной. Поэтому поведение системы начнет изменяться и вновь зафиксируется лишь тогда, когда система попадет в новую инвариантную область, соответствующую новой среде. Каждый из нас не раз испытывал такое изменение привычной формы поведения (иногда довольно болезненное), попадая в новые условия, в новую социальную среду.

Мы видим, что во всех разобранных примерах процессы самоорганизации подчиняются одной общей закономерности. Эту закономерность можно сформулировать следующим образом: в процессе самоорганизации системы из всех проходимых ею состояний отбираются лишь те, которые совокупностью взаимодействий элементов системы между собой и с внешней средой переводятся друг в друга, то есть образуют инвариантную область. По-видимому, это утверждение (которое кратко можно охарактеризовать как **принцип отбора состояний**) справедливо как для динамических, так и для статистических систем, как для простейших физических, так и для сложнейших биологических и социальных систем.

Заметим, что Эшби пришел к аналогичным выводам, но сформулировал их несколько иначе: «...переходя от *любого* состояния к состоянию равновесия, система переходит от большего числа состояний к меньшему. Таким путем система совершает выбор — в том чисто объективном смысле, что некоторые состояния ею отвергаются (те, которые она покидает), а некоторые сохраняются (те, в которые она переходит). Таким образом, в той степени, в какой каждая детерминированная система стремится к равновесию, она совершает и выбор»[8].

Если в простых физических системах состояния равновесия тривиальны и неинтересны, то в более сложных системах «область устойчивости обширна и в ее пределах может разыгрываться много интересных событий»[9]. Следовательно, под состоянием равновесия Эшби фактически понимает не одно состояние, а целую область устойчивости, то есть инвариантную

---

[7] *Эшби У. Р.* Конструкция мозга. М., 1964, с. 139.
[8] *Эшби У. Р.* Принципы самоорганизации, с. 333.
[9] Там же, с. 334.

область, хотя и не анализирует специально это понятие. Между тем именно использование такого общего понятия, как инвариантная область, позволяет распространить принцип отбора состояний на весьма широкий класс систем и процессов.

В отличие от традиционного понимания отбора, от Дарвина до Эйгена, принцип отбора состояний описывает не **вытеснение** неустойчивых систем устойчивыми (отбор систем), а **превращение** неустойчивой системы в устойчивую. Принцип отбора состояний является более общим, чем принцип отбора систем. В самом деле, отбор систем всегда можно представить как отбор состояний системы следующего структурного уровня, а отбор состояний далеко не во всех случаях сводится к отбору систем.

Например, внутривидовой отбор в биологии представляет собой отбор систем по отношению к отдельным особям, но по отношению к виду в целом это — отбор состояний.

С другой стороны, адаптация отдельного организма к среде (пример 3) — это в чистом виде отбор состояний. Материальной основой процесса адаптации является изменение **связей** между **одними и теми же** элементами адаптивной системы (например, между нейронами).

Принцип отбора состояний позволяет по-новому подойти к решению некоторых философских вопросов, в частности, вопроса о соотношении функционирования и развития. Под функционированием системы будем понимать ее движение внутри инвариантной области. Во всех остальных случаях будем говорить о развитии.

Такое понимание функционирования и развития может показаться спорным. Против него, например, может быть выдвинуто то возражение, что оно фиксирует лишь различия между функционированием и развитием, но не учитывает их диалектической взаимосвязи. Однако это не так. Во-первых, движение системы внутри инвариантной области (которое мы определили как функционирование) может иметь настолько сложный характер, что на небольших отрезках времени вполне можно говорить о развитии. Например, в отдельных участках инвариантной области движение может оказаться канализированным вдоль некоторой устойчивой траектории — «креода»[10]. Такое движение выглядит как спокойное, эволюционное развитие, развитие в границах меры.

С другой стороны, и движение системы вдоль креода может происходить настолько медленно, что на небольших отрезках траектории оно оказывается почти неотличимым от функционирования.

Кроме того, для достаточно сложных систем область движения может оказаться инвариантной относительно лишь части

[10] См.: На пути к теоретической биологии. М., 1970, с. 21.

внутренних и внешних взаимодействий, а не всего их бесчисленного множества. Такая частично инвариантная область также может обладать повышенной способностью к поглощению, к аккумуляции состояний, но захваченные ею состояния не остаются в ней навечно, а рано или поздно выходят из нее. Такой выход системы из частично инвариантной области выглядит как перерыв постепенности, как скачок в развитии системы и сопровождается коренной перестройкой ее структуры. В дальнейшем система может попасть в новую инвариантную или частично инвариантную область, и тогда ее структура вновь станет относительно устойчивой. Система перейдет в качественно новое состояние (для некоторых простейших случаев закономерности таких переходов исследуются в работах Г. Хакена). Таким образом, при учете частичной инвариантности процессы функционирования (точнее, почти-функционирования) и развития могут поочередно сменять друг друга во времени и переходить друг в друга.

Можно предвидеть также следующее возражение против приведенного выше определения функционирования и развития. Принцип отбора состояний — это принцип самоорганизации, а процессы самоорганизации связаны с прогрессивным развитием. Но тогда принцип отбора состояний может использоваться для описания только прогрессивного развития, а не развития вообще.

Отвечая на это возражение, прежде всего заметим, что принцип отбора состояний, действительно, объясняет процессы самоорганизации, но не только их. Принцип отбора состояний констатирует лишь, что система приходит в инвариантную область независимо от того, где она находилась в начальный момент. Направленность же развития зависит еще и от исходного состояния системы. Если система вначале находилась **вне** инвариантной области, то после попадания системы в инвариантную область ее движение станет более упорядоченным, и степень организации возрастет. В этом случае можно говорить о прогрессивном развитии системы. Если же состояние системы в начальный момент времени находилось где-то **внутри** инвариантной области, то в дальнейшем начальная упорядоченность движения системы очень быстро разрушается, то есть степень организации системы уменьшается. Это означает, что развитие системы оказывается регрессивным. В этом случае можно говорить об отрицательном отборе состояний в противоположность концентрации, аккумуляции состояний в инвариантной области, которая имеет место в процессах самоорганизации.

Следовательно, как прогрессивное, так и регрессивное развитие получают естественное истолкование в рамках принципа отбора состояний. Отбор состояний характеризует основные особенности процессов функционирования и развития материальных систем и может рассматриваться как общая закономерность функционирования и развития.

В. Н. ЮЖАКОВ
Саратовская высшая партийная школа

Системная дифференциация как закономерность развития

Для объяснения перехода от исходной системы целого к новому целому необходимо вскрыть в исходной системе не только возможность нового целостного объекта, но и способ ее реализации. Определим систему целого как единство всех частей и их отношений, которые необходимы для обеспечения данного целостного свойства или функции целого, а процесс преобразования системы целого — как его системную дифференциацию. В данной статье мы попытаемся в общих чертах обосновать положение о том, что системная дифференциация целого является закономерностью, определяющей последовательность способов и типов изменения, результатом которой является возникновение нового целого. Иначе говоря, системная дифференциация целого есть закономерность развития.

Последовательность преобразования составляющих объекта, как и само развитие, в конечном счете, по-видимому, детерминировано двумя взаимосвязанными факторами — изменчивостью и устойчивостью. Если изменчивость, обусловленная в свою очередь всеобщей взаимосвязью, детерминирует необходимость преобразований объекта, то устойчивость ограничивает и направляет изменения, обеспечивая направленность развития к конкретному новому. Устойчивость характеризует весь объект в целом, но она, очевидно, в специфическом виде присутствует и на каждом конкретном этапе его преобразования. Каждое звено организации развития, следовательно, может быть определено как специфическое сочетание изменчивости и устойчивости, а сама организация — как результат их борьбы. Однако характеристика изменчивости и устойчивости как детерминант развития еще не учитывает расчлененности развивающегося объекта. С учетом последней изменчивость предстает как изменчивость взаимосвязи, а устойчивость — как устойчивость взаимосвязи составляющих объекта. Тем самым устойчивость предстает как форма преобразования и развития, а изменчивость как ее абстрактное содержание. Звенья организации развития оказываются результатом борьбы формы и содержания.

Объект изменяется сразу во многих отношениях. Однако поскольку нас интересует изменение определенного носителя возможности нового, то из этих изменений интересны прежде всего изменения соответствующей системы целого. В определениях

последовательности преобразований системы выделяются два основных и притом противоположных направления. Первое: от изменения функций к изменению структуры, отношений и элементов[1]. Второе — от изменения элементов к изменению отношений, структуры и, наконец, функций[2]. С точки зрения взаимосвязи изменчивости и устойчивости, содержания и формы, второе направление движения преобразования системы выражает детерминацию менее устойчивых составляющих более устойчивыми. В этом отношении функция (свойство) является наиболее устойчивым проявлением формы системы, активно воздействующим на ее изменения. Однако поскольку речь идет о качественном изменении формы, т. е. фактически о смене формы, то исходным пунктом является преобразование содержания в конечном счете элементного состава. В этом смысле исходным направлением изменения системы является первое. Второе направление отражает детерминацию изменения содержания его формой. Особо выглядит случай, когда форма — прежде всего, функция — «предписывается» изменением более широкой системы. Но и здесь «предписываемая» функция существует вначале лишь как необходимость для более широкой системы и только посредством изменения содержания данной системы становится ее функцией.

В свою очередь принципиальное изменение содержания, ведущее к смене формы, не может быть обусловлено только самой системой или даже ее целым. В этом случае исследование в конечном счете приходит к преформизму. Источником таких изменений может быть только обмен веществом, энергией и информацией (в допустимом сокращении — элементами), то есть взаимодействие системы целого со средой. Изменение взаимодействия со средой вносит в систему первое новое — новые элементы. При этом само изменение взаимодействия обусловлено взаимным изменением системы и ее среды.

Включение новых элементов в систему с необходимостью — поскольку это означает изменение обмена веществом, энергией и информацией между существующими элементами — приводит к преобразованию и возникновению новых взаимодействий между элементами.

Изменения взаимодействия со средой и между элементами ограничены объектом в целом, но устойчивость, форма представлена здесь и непосредственно, как устойчивые взаимосвязи взаимодействующих элементов. Без их преобразования, следовательно, невозможно дальнейшее изменение объекта. Таким об-

---

[1] См. напр.: *Гладких Б. А., Люханов В. М., Перегудов Ф. И., Савенко А. А., Сагатовский В. Н., Сапунов Н. Р., Тарасенко Ф. П., Ямпольский В. З.* Основы системного подхода и их приложение к разработке территориальных автоматизированных систем управления. Томск, 1976, с. 51.

[2] См. напр.: *Морозов В. Л.* Научно-техническая революция и диалектика. Минск, 1976, с. 189—190.

разом, устойчивость во взаимодействии элементов с необходимостью образует следующее звено механизма системной дифференциации, которое определяется как отношение элементов.

Отношение получает тем самым два взаимосвязанных определения. С одной стороны, «в соотношении могут находиться только те стороны действительности, которые связаны между собой каким-то общим процессом» [3]. С другой стороны, «отношением будет называться то, что образует вещь из данных элементов» [4]. В первом определении подчеркивается, что отношение существует во взаимодействии. Во втором — что оно детерминирует взаимодействие элементов.

В определении отношений как звена системной дифференциации важно учесть относительность этих двух его характеристик и одновременно их единство. С одной стороны, отношения, существуя во взаимодействии элементов, нетождественны с этим взаимодействием. В системном подходе между тем взаимодействия и отношения, как правило, отождествляются. С другой — отношения, детерминируя взаимодействия, не являются чем-то от них независящим, производны от взаимодействий как их форма. Отношения не могут сами что-то создавать и изменяться иначе, как детерминируя лежащие в их основе взаимодействия. Так, К. Маркс, подчеркивая, что капитал не может быть «источником богатства», писал: «Капитал является производителем стоимости лишь как *отношение,* поэтому он, как принудительная сила, господствует над наемным трудом, принуждает его к прибавочному труду или же подстегивает производительную силу труда, заставляя ее создавать относительную прибавочную стоимость. В обоих случаях капитал производит стоимость только как отчужденная от труда и господствующая над ним сила его собственных вещественных условий, вообще только как одна из форм наемного труда, как условие наемного труда» [5]. Здесь отношение детерминирует взаимодействие в процессе труда, но само является лишь формой взаимодействия, в действительности рождающего это отношение. Причем капитал как отношение господствует только благодаря обособлению устойчивых результатов этого взаимодействия. Люди в процессе производства застают определенные отношения, но сами эти отношения определяются их взаимодействием в предшествующих актах труда. Новые производственные отношения возникают тогда, когда в процессе труда создаются как его устойчивый результат новые производительные силы, происходит — в случае становления капиталистических отношений — обособление рабочей силы и собственников средств производства. Детерминация последующих взаимодействий устойчивыми результатами предшествующих и

---

[3] *Свидерский В. И., Зобов Р. А.* О понятии «отношение».— Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Экономика, философия, право, 1978, № 11, вып. 2, с. 151.

[4] *Уемов А. И.* Вещи, свойства, отношения. М., 1963, с. 51.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 1, с. 68.

есть отношение как определенное звено системной дифференциации. Формирование отношения завершается тогда, когда выделяющийся устойчивый результат взаимодействия начинает детерминировать последующие его акты. Взаимодействие как содержание обусловливает изменение своей формы и само детерминируется ею.

С точки зрения места в механизме системной дифференциации отношение можно определить как детерминацию направленности будущих взаимодействий элементов системы наиболее устойчивыми результатами исходных взаимодействий. Формирование отношений есть процесс обособления устойчивых результатов взаимодействия и превращения их в детерминанты взаимодействия.

Формирование новых отношений, в свою очередь, ограничено устойчивостью существующих отношений, т. е. структурой системы и ее устойчивыми связями со средой. Дальнейшее развитие отношений как содержания связано, следовательно, с изменением их формы как структуры и, далее, функции системы. Определение отношений как звена системной дифференциации характеризует и механизм последующего изменения ими структуры и функции системы. Рождаясь в данном взаимодействии путем выделения детерминирующего его впоследствии устойчивого результата, отношение через этот результат превращает само исходное взаимодействие из случайного в необходимое для системы. В итоге повышается и устойчивость результата, в связи с чем само отношение становится из случайного устойчивым и необходимым. В той мере, в какой этот устойчивый результат оказывает детерминирующее влияние и на другие взаимодействия элементов системы, изменяет их устойчивый результат, происходит преобразование и других отношений системы. Отношение посредством изменения лежащих в его основе взаимодействий, через их устойчивый результат преобразует и другие отношения, структуру системы. Поскольку далее этот устойчивый результат, обособляясь в качестве такового и превращая отношение в устойчивое, оказывает влияние на взаимодействие со средой, он изменяет устойчивый результат и этого взаимодействия со средой, устойчивый результат функционирования системы, ее функцию. Поскольку этот новый устойчивый результат взаимодействия со средой начинает детерминировать само это взаимодействие, он становится носителем новой функции системы.

Процесс формирования отношений, структуры, функции как обособление устойчивого результата взаимодействия в качестве детерминанты последнего отражен в марксовом анализе обоснования товарно-денежных отношений, системы товарного производства в целом. В процессе труда как обмена веществом с природой и между людьми создается новый результат — потребительная стоимость, содержащая качественно различные,

выполняющиеся независимо друг от друга виды полезного труда [6]. Этот новый устойчивый результат детерминирует последующие акты труда, делая необходимым обмен его продуктами. Тем самым в процессе труда рождается новое (товарное) отношение, а потребительная стоимость в качестве его носителя превращается в товар.

Сущность возникновения нового отношения здесь в том, что устойчивый момент всякого труда (абстрактно-человеческий труд) получает возможность через свой устойчивый результат детерминировать в специфической форме каждый акт труда. Далее К. Маркс анализирует развитие товарного отношения в его денежную форму. Существенным в этом анализе является определение последовательности все более устойчивого выражения абстрактно-человеческого труда (общественно необходимого времени) в товаре как результате полезного труда. Первоначально товарное отношение закреплено в нем посредством эквивалентной формы стоимости, когда эквивалентом товара выступает любой случайный товар. В силу этого само отношение еще случайно, является «единичной или случайной формой стоимости» [7]. Дальнейшее утверждение товарного отношения состоит в укреплении его носителя, обретении им самим устойчивой формы — вначале в ряде товаров (полная или развернутая форма стоимости), затем во всеобщем эквиваленте (всеобщая форма стоимостного отношения) и наконец в золоте, деньгах (денежная форма). Теперь уже «золото и серебро в качестве денег представляют общественное производственное отношение» [8]. В них в полной мере выражен устойчивый момент труда — общественно необходимое время. Утверждение этого нового носителя отношений и тем самым самих отношений изменяет и разделение труда, рождая новые его устойчивые результаты — прежде всего, сословие купцов. Вместе с этим происходит и изменение функции производства, товар превращается в его фетиш, в его функцию. Он как устойчивый результат производства детерминирует сам процесс обмена со средой, подчиняя труд производству товаров.

В этом отношении функция как звено системной дифференциации может быть определена как детерминация взаимодействия со средой устойчивыми результатами прошлого взаимодействия со средой, опосредованного преобразованием всей системы. Возникшая функция как форма обусловливает последующие изменения всех звеньев осуществленной системной дифференциации, выступающих как **ее содержание**. Тем самым возникает новая система.

Однако возникновением новой системы преобразование цело-

---

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 51.
[7] Там же, с. 57.
[8] Там же, с. 92.

го не ограничивается. Элементы изменяющейся системы существуют в рамках соответствующих частей целого, равно как части различными своими сторонами участвуют в разных системах. Изменение элементов, следовательно, ведет и к изменению частей, вплоть до их расчленения, если при этом элементы, входящие в часть, обособляются. С другой стороны, возникающие в системной дифференциации новые элементы системы могут превращаться в части целого, если они начинают участвовать в других системах. Так, наемная рабочая сила, возникающая в процессе становления капиталистической системы производства, становится классом, неизбежно начинает участвовать в политической борьбе. Этот тип изменения, таким образом, является результатом системной дифференциации.

Изменение частей вызывает и изменение их взаимодействия, а следовательно, и их соотношения в рамках целого. Системная дифференциация целого посредством этого изменяет и соотношение частей. При этом возникновение новой системы, новых ее отношений приводит к той или иной степени разрушения взаимоотношений частей, к их относительному обособлению.

Еще в большей степени отношения частей разрушаются тогда, когда возникшая система целого превращается в господствующую систему целого. Утверждение в качестве господствующего возникающего в рамках феодального производства капиталистического уклада приводит к обострению классовой противоположности, к разрушению феодального общества в ходе социальной революции. Происходит обособление частей целого, вплоть до его действительного расчленения. Такое относительное (или действительное) обособление необходимо для возникновения и утверждения новой системы постольку, поскольку разрушение старых связей создает благоприятные возможности для установления новых.

Части, обособленные в той или иной мере от целого, выступают как предпосылки возникновения нового целого. При этом каждая предпосылка, будучи результатом изменения части исходного целого, может быть определена как закономерный результат его системной дифференциации. Так, товар, деньги, капитал, наемная рабочая сила являются предпосылками капиталистического способа производства, но лишь благодаря тому, что они оказываются закономерным результатом преобразования системы товарного производства. Последующая интеграция предпосылок в новое целое возможна на основе того, что они уже были соотнесены друг с другом в ходе системных дифференциаций исходного целого. В этом смысле возникновение самого нового целого — результат системных дифференциаций исходного целого, а непосредственно — результат системной дифференциации носителя возможности нового в господствующую систему целого.

Таким образом, действие системной дифференциации детер-

минирует необходимость каждого из типов изменений и их определенную инвариантную последовательность, которую можно обозначить как цикл организации развития. Цикл развития — это движение от исходного системно-дифференцированного целого через его относительную расчлененность к новому целому. Организация развития предстает в двух основных формах — как системная дифференциация и как цикл развития. Системная дифференциация при этом в двух смыслах является закономерностью развития: в качестве закономерной последовательности преобразования системы носителя возможности и как детерминанта последовательности цикла развития. Понятие системной дифференциации как закономерности развития в известной мере ориентирует на изучение развития не как возникновения из множества предпосылок, а как закономерного превращения объектов.

В. И. КАШПЕРСКИЙ
Уральский политехнический институт

Функционально-информационные связи и законы

Среди различных типов связей функциональные связи вызывают сегодня повышенный интерес специалистов в области детерминизма, системных исследований, методологических проблем кибернетики. Становится очевидным их особое значение для понимания закономерностей живой природы и социальной организации.

В результате философского анализа понятий «функция», «функциональная связь, отношение», проведенного в работах С. Т. Мелюхина, И. Я. Лойфмана, И. Н. Бродского, С. Г. Яцковского, К. И. Ивановой, Ш. Б. Каххаровой и других, названные понятия получили в отечественной литературе интерпретацию как объективное отношение между взаимосвязанными вещами, их частями, признаками или состояниями, в котором имеют место параллелизм и закономерная координация изменений [1].

Эти достаточно общие понятия функции и функциональной связи вполне обоснованы, и именно в раскрытом выше смысле они используются в математике. Функциональная связь понимается в последней по существу как зависимость, имеющая место между аргументом и функцией. А поскольку законы функционирования систем выражаются через функциональные связи, то эти законы выражают, с рассматриваемой точки зрения, взаимную согласованность изменений безотносительно к процессам эволюции, развития самих систем или их подсистем. Заметим, что источник функциональной зависимости не может быть раскрыт здесь на основании понятия «функция».

С развитием кибернетики такое понимание функциональной связи уже недостаточно. Как показали Б. С. Украинцев, Н. И. Жуков, П. К. Анохин, В. И. Кремянский, В. П. Кузьмин и другие, в самоуправляемых (Б. С. Украинцев), самоорганизующихся (Д. И. Дубровский), вообще кибернетических системах функционирование есть основной способ их существования [2], включает в себя функциональные инварианты, которые регули-

---

[1] См.: *Лойфман И. Я.* Принципы физики и философские категории. Свердловск, 1973, с. 77.

[2] См.: *Украинцев Б. С.* Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972, с. 41.

руют и направляют поведение системы[3]. В связи с этим Б. С. Украинцев обоснованно вводит понятие «информационная причина»[4]. П. К. Анохин подчеркивает, что свойство функциональности выражается в доминировании функции над структурой, в выборочной динамической мобилизации структур в масштабе иерархически организованного целого[5]. Вот почему уже в работах Н. Винера и К. Шеннона понятие связи предстало как одно из ключевых для кибернетики, как выражающее особый вид взаимодействия, удачно названный впоследствии П. К. Анохиным в его определении функциональной системы «взаимосодействием»[6]. Функциональная связь предстала как направленное воздействие одних компонентов (подсистем) кибернетической системы на другие. Это воздействие носит не вещественно-энергетический, а информационный характер. Иными словами, связи в кибернетических системах являются по существу функционально-информационными связями. Представляется вероятным, что многие существенные особенности жизни, мышления, механизмов социального управления обусловлены как раз спецификой функционально-информационных связей (и функционально-информационных законов). По нашему мнению, сам факт генезиса кибернетических систем необходимо связан с особенностями материального движения и его пространственно-временных характеристик в макромире. Как это на первый взгляд ни парадоксально, системообразующие связи и взаимодействия в области мега- и микромира изучены гораздо основательнее, чем аналогичные связи в макромире. Первые основаны на четырех типах фундаментальных взаимодействий, тогда как для биологических и социальных систем эти взаимодействия, по-видимому, не могут играть решающей роли, так как не обеспечивают необходимого для целостной системы преобладания по интенсивности внутренних связей над внешними. Известно, что в термодинамическом (физическом) аспекте биологические и социальные макросистемы не обладают устойчивостью, а соответствующие связи имеют тенденцию к ослаблению и последующему распаду. По-видимому, основанием связи в этих системах являются функциональные взаимодействия и законы, возможность и границы действия которых положены определенным уровнем развития (организации) их носителя. Таким образом, в основе действия функционально-информационных законов лежат функционально-информационные связи, функциональные свойства систем. Можно сказать, что сам факт появления кибернетики, теории информации, теории систем, характер стоящих перед этими научными направлениями сегодня проблем демонстрируют

---

[3] Там же, с. 42.

[4] Там же, с. 80.

[5] См.: *Анохин П. К.* Теория функциональной системы.— Успехи физиологических наук, 1970, т. 1, № 1, с. 33.

[6] Там же.

актуальность потребности в углубленном раскрытии природы функционального свойства, места функциональной связи в системе материалистического детерминизма.

В отличие от обычных, «вещных» свойств, функциональное свойство обнаруживает себя лишь по своей роли в системе, оно не может быть выделено «в чистом виде». Более того, как показали И. М. Сеченов, а также П. К. Анохин и другие советские физиологи, при изоляции функциональной системы, при отсутствии в ней изменения (взаимодействий, деятельности) функциональное свойство как бы атрофируется, исчезает, угасает. Оно не может быть сведено к конкретному составу или структуре системы, связано с ними неоднозначно, так что одной и той же функции может соответствовать множество различающихся структур. Иначе говоря, функциональные свойства систем являются вторичными их свойствами,— не только в том смысле, что они проявляются во взаимодействии, но и в том более глубоком смысле, что выражают некоторую объективную сущность, составляющую содержание не своего носителя, а совсем иных материальных процессов [7]. Таково свойство гена нести наследственную информацию, свойство товара иметь стоимость, свойство человеческого мозга быть носителем мысли, мышления, сознания человека. Вторичная форма существования содержания, несомого посредством реализации функционального свойства, обеспечивает результативность поведения системы, т. е. закономерную направленность этого поведения на получение некоторого конечного эффекта, результата.

Категория «закон» выражает сохраняющееся, инвариантное в изменчивом. Функционально-информационный закон выражает постоянство и устойчивость некоторых необходимых, общих (например, для клетки, органа, организма, популяции и т. п.) функций. С этой точки зрения функционально-информационные законы могут рассматриваться как частный вид законов функционирования. Важно подчеркнуть, что постоянное, устойчивое, сохраняющееся, лежащее в основании функционально-информационного закона, деятельно, так как выражает не только устойчивость связей, но и способ взаимодействия в пределах этих связей, т. е. способ, которым эта устойчивость достигается. Анализ функционально-информационных связей позволяет более глубоко раскрыть деятельный характер законов. Закон ограничивает разнообразие возможных изменений в процессе взаимодействия, осуществляет их селекцию. Благодаря действию закона превращение возможности в действительность не произвольно, а

---

[7] См.: *Кашперский В. И.* Соотношение причинности и функциональности в области кибернетических процессов.— В кн.: Актуальные проблемы детерминизма (мат. науч. конф.). Тбилиси, 1980, с. 79. Подробнее см.: *Кашперский В. И.* Об информационном базисе прогноза.— В кн.: Отражение как предвидение. Свердловск, 1976, с. 73.

избирательно, и эта избирательность осуществляется по отношению к инварианту, выраженному в законе.

Рассмотренные особенности функционально-информационных связей (законов) позволяют сделать вывод, что грани между функционально-информационными законами и законами развития с переходом к функциональным системам в значительной степени стираются. Функциональные связи включаются в процесс развития, а их единство с законами развития выражается в объективной направленности и внутренней детерминированности изменений, имеющих место в функциональных системах. Направленность и внутренняя детерминированность как свойства функциональных систем в значительной мере обусловлены вторичностью самого функционального свойства и другими особенностями функции, о которых идет речь в настоящей статье.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие признаки функционально-информационных связей, характерные и для функционально-информационных законов. Во-первых, это закономерная координация изменений взаимосвязанных компонентов. Во-вторых, объективная направленность функционирования системы, в которой находит выражение внутренняя детерминация поведения (в частности, информационная форма причинности). Исследования в области физиологии, социальных наук и технической кибернетики дают основание считать, что это закономерная направленность на достижение результата, способствующего сохранению устойчивого существования кибернетической системы в условиях изменений. Таким образом, в кибернетике при исследовании функций вопрос «для чего?» не является чисто логическим или гносеологическим приемом исследования, а отражает самостоятельное объективное (онтологическое) свойство кибернетических систем. В-третьих, это координация и субординация компонентов системы с позиций сохранения целого. В-четвертых, избирательность функционально-информационного взаимодействия. И, наконец, в-пятых, важным признаком функционально-информационных связей является вторичность функционально-информационных свойств кибернетической системы.

Перечисленные свойства функции с физической точки зрения уникальны и неинтерпретируемы именно потому, что они выходят за пределы фундаментальных физических взаимодействий. Они выражают особый — функционально-информационный тип взаимодействия.

Выше шла речь главным образом о природе и роли в процессах развития функционально-информационных связей, а не законов. Сегодня делаются только первые попытки сформулировать законы кибернетики (функционально-информационные законы). Открытие и более тщательное исследование функционально-информационных законов — дело завтрашнего дня. На сегодняшний день последние отображаются и рассматриваются

главным образом на уровне принципов кибернетики [8].

На основании вышеизложенного целесообразно сформулировать следующие методологические рекомендации. Возможная последовательность научного поиска функционально-информационных законов должна включать, во-первых, выявление наличия в системе функциональных свойств. В результате появляется возможность отнесения ряда структур системы к числу функциональных (коды, гиперструктуры и т. п.), иначе говоря — к информационно-функциональным явлениям жизни либо человеческой культуры. Вторым этапом этого поиска является информационный анализ выделенных структур. В результате выявляется конкретное значение (смысл) и существенность информации для системы. По существу, на этом этапе устанавливается степень и характер семантической сопряженности компонентов (подсистем) кибернетической системы, а также между системами. Эта сопряженность (наличие общего канала и кода, по Б. С. Украинцеву) составляет необходимый аспект любого функционального закона.

Мы рассмотрели только один, функциональный аспект изменения и развития кибернетических систем. Но именно этот аспект позволяет показать, что функционально-информационные законы и связи составляют существенное звено эволюции материи, выражают универсальную форму протекания процессов управления в макросистемах биологического и социального уровней организации.

---

[8] См. напр.: *Украинцев Б. С.* Кибернетика и система новых научных принципов.— В кн.: Кибернетика и современное научное познание. М., 1976, с. 7—20.

А. Я. ГОЛУБЧИКОВ
Троицкий ветеринарный институт

Отношения соответствия в структуре закона развития

Закон, как известно, есть существенное отношение. Но сущность развивается, она противоречива. Закон, не охватывая всего содержания сущности, не может, однако, не охватывать противоречия сущности, источника ее развития, ибо противоречие, обусловливая развитие, с другой стороны, является тем, что сохраняется в сущности. Закон поэтому имеет структуру, соответствующую структуре сущности, и представляет собой определенную систему. С разрешением основного противоречия сущности возникает качественно новая сущность. Закон развития, следовательно, выражает не только отношения «внутри» сущности, но и отношения между сущностями.

При анализе соотношения форм движения материи в процессе развития обычно подчеркивается как преемственность, так и обновление. Высшая форма движения материи обладает качественно новым содержанием и в то же время в «снятом» виде содержит в себе низшую. Важными сторонами проблемы развития выступают, таким образом, конкретные представления о том, как возникает новое и что обозначается термином «снятие» [1]. Решению данной проблемы и выяснению структуры закона развития, на наш взгляд, способствует применение в качестве методологического принципа соответствия.

Сформулированным Н. Бором принципу соответствия и принципу дополнительности посвящено большое количество работ советских и зарубежных философов [2]. Имеется среди них и работа, посвященная выявлению роли отношений соответствия в процессе развития [3]. В. Т. Мещеряков, анализируя процесс развития, выделяет в нем два вида отношений соответствия: отношение функционального соответствия и отношение дополнительного соответствия. По его мнению, особенностью отношения функционального соответствия «является преемственность, т. е. перенос некоторых черт старого в новое, благодаря чему новое, при существенном отличии от старого, находится все-таки в

[1] Анализ различных точек зрения см. напр. в кн.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976.

[2] Анализ работ см. напр.: *Алексеев И. С.* Концепция дополнительности (историко-методологический анализ). М., 1978; Принцип дополнительности и материалистическая диалектика. М., 1976.

[3] См.: *Мещеряков В. Т.* Соответствие как отношение и принцип. Л., 1975.

функциональной зависимости от старого»; так как «составные части сложного только при условии взаимного удовлетворения некоторым общим требованиям оказываются способными составить нечто единое, целое, входя в которое эти части как бы взаимно дополняют друг друга, то отношение этого рода можно было бы рассматривать как форму дополнительного соответствия»[4]. На наш взгляд, выделение во всяком диалектическом противоречии как источнике развития экстенсивного, интенсивного и генетического аспектов дает основание для иного понимания отношений соответствия в процессе развития. Отношение дополнительного соответствия выражает взаимодополнение противоположностей (экстенсивный аспект противоречия), отношение функционального соответствия — взаимообусловленность противоположностей (интенсивный аспект противоречия), а отношение генетического соответствия выражает преемственность в процессе развития, разрешения и возникновения нового противоречия (генетический аспект противоречия). Такое уточнение позволяет не только выделить еще один тип отношений соответствия в процессе развития, но и представить структуру закона развития как систему, состоящую из двух подсистем: отношений, выражающих развитие в пределах данной сущности, и отношений, выражающих возникновение новой сущности. Целостность закона развития, таким образом, будет определяться наличием в его структуре указанных подсистем, связанных отношением генетического соответствия, при условии, что в подсистемах имеются отношения дополнительного, функционального и генетического соответствий.

Для доказательства выдвинутых положений обратимся к анализу возникновения социальной формы движения материи из биологической. Развитие биологической формы движения материи совершается посредством механизма, включающего в себя следующие взаимосвязанные элементы: биологическую индивидуальность как результат мутаций и индивидуального развития, естественный отбор и генетическую наследственность. Источником развития выступает противоречие отдельной особи и вида (популяции). Тенденция развития — автономизация организмов[5]. Но не меньшее значение имеет и другая тенденция — интеграция особей в вид (популяцию). «Смысл жизни» отдельной особи — в выживании вида (популяции). Деятельность особи практически тождественна деятельности вида (популяции). Вклад особи в развитие вида (популяции) происходит посредством результатов изменчивости, но и здесь решающую роль играет естественный отбор, обеспечивающий выживание вида (популяции). Более того, в результате автономизации организмов происходит повышение их «надежности», следовательно,

---

[4] *Мещеряков В. Т.* Соответствие как отношение и принцип, с. 15.
[5] См.: *Шмальгаузен И. И.* Факторы эволюции. М., 1968.

снижение темпов изменчивости и, соответственно, развития. Противоречие отдельной особи и вида (популяции) разрешается, таким образом, результатом развития — биологической индивидуальностью, принципиально тождественной виду (популяции). Разрешение противоречия не означает его исчезновения, оно превращается из противоречия развития в противоречие функционирования.

Развитие социальной формы движения материи совершается посредством механизма, генетически соответствующего механизму развития биомира: результаты деятельности человеческой индивидуальности, отбор социального опыта, социальное наследование [6]. Исходное противоречие — источник развития социальной формы движения материи, также генетически соответствует противоречию отдельной особи и вида (популяции). Им является противоречие индивида и рода, опосредованное трудом. Именно труд как «свободная, сознательная деятельность» обеспечивает качественное отличие механизма развития социальной формы движения материи от механизма развития биологической формы ее движения, приводит к несравнимо более высоким темпам развития.

Обновление в процессе развития может быть понято как «необычный способ сцепления обычных для биологического мира явлений» [7]. Но что является инвариантом? В чем выражается преемственность развития? Только ли это сохранение обычных биологических связей? Очевидно, нет. Сохраняются противоречивые тенденции развития, на этой основе сохраняются полярные отношения сущности и механизм развития, т. е. способ сцепления элементов сущности, но изменяется опосредствование исходного противоречия [8]. Снятие социальной формой движения материи биологической означает, на наш взгляд, «включение» биологической формы движения материи в социальную на основе отношений дополнительного и функционального соответствия. Отношение дополнительного соответствия выражает несводимость биологического к социальному и социального к биологическому, их взаимодополнение, возможность достижения гармонии. Отношение функционального соответствия не означает некоего равноправия социального и биологического. Оно прежде всего означает совпадение направления их действия. Именно поэтому биологическое только в социальной форме

---

[6] Обоснование понятия «социальное наследование» см.: *Дубинин Н. П.* Биологические и социальные факторы в развитии человека.— Вопр. философии, 1977, № 2.

[7] *Плотников В. И.* Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1975, с. 134.

[8] О роли посредствующих звеньев противоречия см. напр.: *Оруджев З. М.* Опосредование и развитие противоречия.— В кн.: Диалектическое противоречие. М., 1979.

движения материи может достичь максимума развития [9]. С другой стороны, в силу качественного отличия социальной формы движения материи, социальные законы имеют всюду возможность выполнять ведущую роль по отношению к законам биологическим.

Возникает вопрос: в каком состоянии система порождает новую систему, с качественно иной сущностью? Анализ возникновения социальной системы из биологической показывает, что в порождающей системе в этот момент исходное противоречие развития разрешается и превращается в противоречие функционирования. Отношения дополнительного и функционального соответствия начинают играть решающую роль в сравнении с отношениями генетического соответствия, биологическая система поэтому не достигает состояния гармонической целостности [10]. Возникнув, социальная система на основе отношения дополнительного и функционального соответствия «достраивает свои предпосылки», развиваясь, достигает гармонической целостности, в которой не только сохраняется индивидуальность входящих элементов, но и максимально осуществляются их потенциальные возможности, «источник» развития в таких системах никогда «не иссякает» и, так как уровень создаваемого при этом напряжения колеблется в ограниченных пределах, темпы развития таких систем оказываются сравнительно устойчивыми» [11]. Решающее значение в таких системах приобретает отношение генетического соответствия.

Таким образом, при порождении системой новой системы так же, как и в процессе развития системы, соблюдается принцип генетического, дополнительного и функционального соответствия, но с рядом особенностей. Если развитие в пределах системы происходит посредством включения элементов других систем на базе дополнительного и функционального соответствия сущности и тенденции развития системы, то при возникновении новой системы отношение дополнительного и функционального соответствия устанавливается между сущностями породившей и возникшей систем. Если при развитии системы наблюдается генетическое соответствие последовательных стадий развития при сохранении сущности системы, то с возникновением новой системы генетическое соответствие устанавливается между сущностями систем. Отношения соответствия, следовательно, выступают и необходимой предпосылкой развития, и важной стороной процесса развития, выражая преемственность и обновление

---

[9] См.: *Орлов В. В.* Материя, развитие, человек. Пермь, 1974, гл. 4; *Асеев В. А.* Экстремальные принципы в естествознании и их философское содержание. Л., 1977.

[10] О понятии «гармоническая целостность» см. напр.: *Короткова Г. П.* Принципы целостности. Л., 1968.

[11] См.: *Мещеряков В. Т.* Гармония и гармоническое развитие. Л., 1976, с. 61—62.

как в пределах развития системы, так и при возникновении новой системы.

Эвристическая ценность принципа соответствия заключается, таким образом, в возможности конкретизировать на его основе представления о процессе развития, прогнозировать последующие состояния в развитии системы и процесс возникновения новых систем. Становится очевидным важное значение опосредствования исходного противоречия системы. Посредствующие звенья, выражая взаимодополнение и взаимообусловленность противоположностей, служат основой дополнительного и функционального соответствия их. Включение породившей системы в возникшую, обозначаемое обычно понятием «снятие», приобретает конкретное выражение в отношениях дополнительного и функционального соответствия сущностей систем.

Проведенный анализ позволяет также предположить наличие отношения генетического соответствия между сущностью процесса развития и структурой закона развития. Последняя включает как отношения сущности определенных систем, так и отношения между сущностями систем. В совокупности этих отношений важное значение имеют отношения генетического, дополнительного и функционального соответствия. Они не только позволяют кокретизировать отношения, выражаемые законом единства и борьбы противоположностей, законом отрицания отрицания, но и представить закон развития как целостность.

И. Г. СТЕПАНОВ
Тюменский инженерно-строительный институт

Социальные законы как законы деятельности

В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс акцентирует внимание на положении о деятельно-практической сущности человека, изменяющего и преобразующего объективную действительность в своих интересах. Из этого вытекает основное отличие действия социальных законов от законов природы.

Общественные законы, будучи объективными, как и законы природы, проявляются и функционируют посредством деятельности людей. Законы же природы в основном противостоят этой деятельности как внешний объективный фактор.

Ф. Энгельс называл объективные социальные законы «законами собственных общественных действий людей» [1]. Как следует истолковать это суждение? Прежде всего в определении социального закона, по нашему мнению, следует выделять как существенный признак то, что это связь (разумеется, общая и необходимая, повторяющаяся и устойчивая) между элементами, сторонами человеческой деятельности. Понять сущность законов, управляющих теми или иными историческими событиями, нельзя без конкретного анализа деятельности людей, участвующих в этих событиях. Поэтому-то марксистско-ленинская теория — это не трафарет, накладывая который на события, можно все исторические факты автоматически расставить «по полочкам». Вместе с тем следует подчеркнуть, что любая конкретно-историческая деятельность вообще не может быть понята, если она рассматривается в отрыве от анализа общественных отношений. Исследуя общественные отношения между людьми, участвующими в исторических событиях, мы тем самым выделяем общее, существенное, проявляющееся в общественных (классовых или социально-групповых) интересах людей. Кажется, что для марксиста это достаточно тривиально, но мы вынуждены писать об этом, поскольку в последнее время определенно наметилась тенденция противопоставления деятельностного подхода теории общественных отношений [2].

Люди делают историю сами, но действуют они не на пустом, голом месте, а опираясь как на фундамент на материальную и духовную культуру, созданную предшествующими поколениями людей. В преемственной, временной причинно-следственной связи

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 295.

[2] Наиболее прямолинейно такое противопоставление проводится в работе: *Каган М. С.* Человеческая деятельность. М., 1974.

выражается отношение между актуальной и прошлой деятельностью людей. Определяющее значение прошлой деятельности проявляется прежде всего в достигнутом уровне развития производительных сил и производственных отношений. И этот достигнутый на сегодня уровень производства материальных благ и прежде всего овеществленный в средствах производства есть основной феномен действия объективных экономических законов. Противоречие, которое выражается в объективном социальном законе, в данном аспекте представлено двумя противоположными сторонами: деятельностью людей, овеществленной в средствах производства и общественных отношениях, и сегодняшней деятельностью людей.

Без субъективного фактора социальные законы не могут автоматически действовать. Так, К. Маркс открыл объективные законы развития и функционирования капиталистической формации, действие которых неизбежно ведет к гибели капитализма и смене его социализмом. Но без революционной борьбы рабочего класса, его партии, без марксистско-ленинской идеологии, т. е. без субъективного фактора, переход к коммунистической формации сам по себе невозможен.

Основные трудности в познании объективных общественных законов состоят в исследовании соотношения в механизме их действия причинности и целеполагания, необходимости и свободы. Все человеческие индивиды принимают то или иное участие в историческом движении, преследуя при этом свои собственные, зачастую очень далекие от требований общественного прогресса, цели. В связи с этим еще И. Кант писал, что если бы мы могли знать мотивы поступков отдельных людей, а также внешние поводы к ним, то их можно было бы предсказывать [3]. Но, думается, что это не совсем так. В действительности, мотивы и внешние стимулы деятельности сами определяются более глубокими факторами, а именно материальными отношениями.

Социальные законы выражают основные направления развития общества, не охватывая всего богатства каждого из отдельных случаев. Чтобы раскрыть механизм действия общественных законов, надо выяснить общие существенные связи — те общественные отношения и факторы, которые приводят к возникновению и действию социальных законов.

Исходным пунктом такого анализа, по нашему мнению, должны быть взяты потребности [4]. В самом деле, практическая деятельность направлена на производство материальных и духовных благ, а конечной целью всякого производства является удовлетворение потребностей. К. Маркс писал: «Без потребно-

---

[3] См.: *Кант И.* Соч. в 6-ти т. М., 1965, т. 4, ч. 1, с. 428.

[4] См.: *Степанов И. Г.* Механизм действия социальных законов и субъективный фактор.— В кн.: О некоторых закономерностях развития экономики социализма. Тюмень, 1970.

сти нет производства»[5]. Потребность пронизывает весь акт производства, да и само производство есть не что иное, как потребление средств труда и сил человека. Производство — определяющая причина возникновения и развития потребности: 1) производство создает предмет, материал потребления; 2) производство создает потребителя, определяет способ потребления; 3) производство, возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является произведенный продукт, создает не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета[6]. Удовлетворение потребностей людей созданными в производстве благами приводит к возникновению новых физических и духовных влечений и желаний — новых потребностей.

Но потребности в качестве побудительной силы выступают не прямо, а опосредованно, через ряд промежуточных звеньев, первым и ведущим из которых являются интересы. Интересы людей, среди которых первенствующая роль принадлежит материальным интересам, выражают направленность действий. Для действующего субъекта интересы — это, образно говоря, такие узлы, которые стягивают в себе, как нити, различные общественные отношения. Но сами интересы так же, как и потребности, непосредственно не превращаются в цели деятельности. Вслед за интересами на сознание субъекта воздействуют стимулы — те внешние факторы, которые, воздействуя на интересы людей, дают импульс к их действиям. В каждой социальной формации, в каждый исторический период функционирует своя исторически сложившаяся система материальных и духовных стимулов, всецело зависящая от материальных и духовных интересов. Следующими звеньями, предшествующими целеполаганию, являются установка и мотивы. Установка характеризует сознание личности, ее идейную и эмоциональную предрасположенность, позицию или реакцию по отношению к стимулам, действиям людей и другим общественным явлениям. Установка играет роль ценностного ориентира в процессе мотивации личностью своих действий. В мотиве же выражается непосредственное, конкретное побуждение к действию.

Это краткое рассмотрение факторов, детерминирующих деятельность людей, позволяет выявить внешне скрытую, спрятанную глубоко внутри деятельности, «подводную» часть механизма действия объективных социальных законов в виде цепи взаимно связанных, взаимодействующих друг с другом звеньев: потребности — интересы — стимулы — установка — мотивы — цель.

Но механизм действия законов безусловно включает в себя все основные, существенные элементы самой деятельности. Поэтому наш анализ был бы неполным, если бы мы не рассмо-

---

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 28.
[6] Там же, с. 28—29.

трели их взаимосвязь. В структуре человеческой деятельности, по нашему мнению, выделяются такие основные элементы: 1) полагание цели, 2) предвидение будущего, 3) выбор средств, 4) сам акт действия или исполнения, 5) результат. Прежде чем цель воплотится в результате, необходимо само действие, в котором цель, средства и акт исполнения, органически соединяясь в единое целое, превращают субъективное, существующее идеально, в объективное бытие.

Хотя цель человеческой деятельности существует в сознании как идеально предвосхищаемое будущее, однако ее содержание объективно обусловлено достигнутым уровнем человеческой практики, прежде всего уровнем производства материальных благ. В. И. Ленин обращает внимание на то, что детерминированность целеполагания может субъектом не осознаваться вообще, либо осознаваться неполно: «На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его,— находят его, как данное, наличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)» [7].

Свобода полагания (выбора) цели деятельности определяется уровнем познания объективных законов. Следовательно, уже в акте полагания цели выражается определенное соотношение между действием и использованием объективных социальных законов.

Рассмотрение взаимосвязи между основными элементами деятельности (целью, предвидением, средствами, актом действия, результатом) дает возможность выявить: во-первых, сложную в каждом деятельном акте диалектику взаимодействия объективного и субъективного, во-вторых, конкретное выражение активной, творческой роли сознания в практической деятельности, в-третьих, как и каким образом можно воздействовать на процесс человеческой деятельности, чтобы управлять ею в нужном для нас направлении.

Мы исходим из того, что любой социальный закон и механизм действия его не совпадают друг с другом, так как историческая деятельность различных социальных субъектов и в различные эпохи всегда отличались и целями, и средствами, и общественными последствиями. Механизм действия социальных законов представляет собой целостную совокупность объективных и субъективных факторов в данной общественной системе, взаимодействие которых определяет существенные связи и основные направления общественной деятельности людей. Субъективный фактор независимо от того, в какой общественной системе он действует, входит важным составным элементом в механизм действия общественных законов. В то же время, коль скоро мы рассматриваем субъективный фактор как осознанную сторону практической деятельности, законы, определяющие дея-

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.

тельность людей, распространяют свое действие и на ее осознанную сторону. Иное понимание так или иначе ведет к фатализму, так как ставит законы вне сознательной деятельности.

В эксплуататорском обществе роль субъективного фактора в действии объективных законов противоречива в силу антагонизма интересов действующих социальных субъектов. В коммунистической формации субъективный фактор играет исключительно важную роль в процессе детерминации исторического развития, а поэтому выступает ведущим элементом механизма действия социальных законов. Законы социализма таковы, что одним из необходимых условий их проявления и действия выступает сознательная деятельность общества в целом, так как материальной основой этой деятельности является общественная собственность на средства производства. И в этом, по нашему мнению, состоит главное отличие детерминации общественных явлений при социализме от их объективной обусловленности в других социально-экономических формациях.

В. В. БАЙЛУК, Н. В. ЯДЫКИНА
Уральский университет

Механизм действия и механизм использования законов общества

К настоящему времени единая трактовка понятий механизма действия и механизма использования законов еще не сложилась. Одни авторы фактически нивелируют различие между действием законов природы и действием законов общества. Под механизмом действия законов общества они понимают только объективную сторону социальных процессов, все то, что вообще относится к закону как объективному явлению [1], объективный способ осуществления, формы и характер проявления законов [2]. В противовес механизму действия законов механизм использования законов все сторонники указанного подхода рассматривают исключительно только как субъективное, как сознательную, целенаправленную деятельность людей по использованию законов для сознательного применения их в практике [3].

Другие авторы механизм действия и механизм использования законов по существу отождествляют на том основании, что это стороны одного и того же процесса, образующие составные части единого объективного механизма [4], что законы действуют и используются в одной и той же деятельности [5]. Теоретической основой такого отождествления (применительно к социализму), по мнению Н. А. Цаголова, служит весьма распространенная трактовка планомерности, согласно которой последняя рассматривается лишь как оппозиция стихийности. В результате и планомерное действие экономических законов при социализме пред-

---

[1] См.: *Ермолаев И. Д.* Законы развития общества и строительство коммунизма. М., 1971, с. 9—10.

[2] См. напр.: *Штракс Г. М.* О развитии объективных законов.— Вопр. философии, 1962, № 7, с. 67; *Гончарук С. И.* Законы развития и функционирования общества. М., 1977, с. 27.

[3] См. напр.: *Ермолаев И. Д.* Законы развития общества...; *Цаголов Н. А.* Система экономических законов и механизм их действия и использования в условиях развитого социализма.— В сб.: Экономические законы и совершенствование механизма их использования для управления народным хозяйством. Свердловск, 1978, с. 15; Вопросы использования государством экономических законов социализма. М., 1977, с. 24.

[4] См. напр.: *Пашков А. И.* О механизме использования экономических законов социализма.— Вопр. экономики, 1973, № 3, с. 21, 25.

[5] См. напр.: Политическая экономия социализма — научная основа руководства народным хозяйством. М., 1975, с. 75—76.

стает как всецело сознательное, единственно возможное действие[6].

По мнению третьей группы авторов, механизм действия законов представляет собой соотношение объективного и субъективного, необходимого, стихийного и сознательного, процесс реализации законов в действиях людей или, коротко говоря, единство объективного и субъективного факторов. Последний подход к пониманию механизма действия законов в обществе представляется нам наиболее плодотворным[7].

Механизм действия законов общества — философско-социальная категория, раскрывающая одну из интегральных характеристик внутренней структуры человеческой деятельности. Процесс взаимодействия субъекта и объекта в человеческой деятельности в целом и в каждом виде ее в отдельности всегда реализуется через взаимосвязь объективного и субъективного факторов со стихийным и сознательным. Именно для отражения взаимосвязи этих элементов человеческой деятельности и предназначена категория механизма действия законов общества. Объективный и субъективный факторы, стихийное и сознательное — это те посредствующие звенья, благодаря взаимодействию которых законы общества выступают как законы человеческой деятельности. Из этого понимания механизма действия законов общества следует, что: а) механизм действия законов включает и объективное содержание законов (потребности, возможности и противоречия между ними), и форму их (стихийное и сознательное), и взаимосвязь между ними; б) учет субъективного фактора в механизме действия законов позволяет понять, как сознание воздействует на породившее его бытие общества, как историческая необходимость реализуется во взаимодействии людей; в) механизм действия законов общества не следует ни отождествлять с деятельностью людей, ни противопоставлять ей. Последнее особенно обнаруживает себя в утверждении о том, что законы общества объективны, а деятельность людей субъективна[8].

---

[6] См.: *Цаголов Н. А.* Система экономических законов..., с. 15. См. также: *Уледов А. К., Попов В. Д.* Социологические законы, познание и управление. М., 1979, с. 38.

[7] *Чесноков Д. И.* Общественный интерес и механизм действия социальных законов.— Вопр. философии, 1966, № 9, с. 3; *Он же.* Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М., 1973, с. 58; *Плетников Ю. К.* Некоторые исходные категории исследования механизма действия общественных законов.— Филос. науки, 1973, № 2; *Степанов И. Г.* Механизм действия социальных законов и субъективный фактор.— В кн.: О некоторых закономерностях развития экономики социализма. Тюмень, 1970; *Белова Л. В., Карасев В. П.* Понятие «механизм действия социальных законов» в современной марксистской литературе.— В сб.: Проблема социальной закономерности. Горький, 1978; *Чуньков Ю.* Взаимодействие объективного и субъективного в экономике.— Экон. науки, 1979, № 12.

[8] См. напр.: *Кронрод Я. А.* К вопросу об объективном механизме действия законов социализма.— Вопр. философии, 1965, № 3; *Он же.* Законы политической экономии социализма. М., 1966, с. 525—526.

Именно отрыв законов общества от деятельности людей является основной гносеологической причиной сведения механизма действия законов к объективному фактору и противопоставления его механизму использования законов. Между тем механизм действия законов общества представляет диалектическое единство законов общества и человеческой деятельности, в котором объективные законы детерминируют деятельность людей, а сама эта деятельность служит «субстратом» и способом бытия законов.

Решение проблемы механизма действия законов общества неотделимо от решения проблемы механизма использования их. Мы уже отмечали имеющее место в литературе либо противопоставление механизма действия и механизма использования законов как объективного субъективному, либо отождествление их. К этому нужно добавить, что иногда соотношение механизма использования законов и механизма их действия трактуется как соотношение субъекта и объекта, а сам механизм использования законов понимается как целесообразное воздействие субъекта управления на объект управления[9]. Далее. Одни авторы механизм использования законов связывают исключительно только с их научным использованием[10], а другие — понятие «использование законов» относят к любой человеческой деятельности, выделяя использование законов на научном и эмпирическом (обыденном) уровнях[11]. В литературе встречается также понимание использования законов как умения ограничивать сферу действия одних законов и давать простор другим, комбинировать законы наиболее выгодным образом[12].

Механизм использования законов общества — это всеобщая философско-социальная категория, раскрывающая процесс создания на основе того или иного уровня познания (отражения) законов субъективных условий для деятельности и действие законов в ней, опосредованное этими условиями и объективированными формами их. Если понятие механизм действия законов отражает человеческую деятельность в аспекте ее целеосу-

---

[9] См. напр.: *Ермолаев И. Д.* Законы развития общества..., с. 9—10.

[10] См. напр.: *Приписнов В. И.* Механизм действия социальных законов и субъективный фактор. Душанбе, 1972, с. 118—134. Если научных знаний нет или люди не руководствуются ими, полагает В. И. Приписнов, то нет и использования законов, а есть лишь эмпирическое приспособление к ним.

[11] См. напр.: *Глезерман Г. Е.* Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979, с. 177—195.

[12] См. напр.: *Черковец В. Н.* Планомерность социалистического производства. М., 1965, с. 187. В качестве аспекта использования законов комбинирование законов выделяет также Г. Е. Глезерман. (См.: *Глезерман Г. Е.* Законы общественного развития: их характер и использование, с. 186—187). На наш взгляд, идущий от Г. В. Плеханова тезис о комбинировании законов наивыгоднейшим образом (См.: *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. в 5-ти т. М., 1956, т. 1, с. 136) является неточным. Законы комбинировать нельзя, ибо их отношения носят закономерный характер.

ществления, то механизм использования законов отражает ее в аспекте диалектического единства целеформирования и целеосуществления. В связи с этим следует различать познание сущности законов и познание содержания и форм их действия. На ранних этапах развития человеческого общества оба эти проявления познания еще слиты и осуществляются только на обыденном уровне. Поэтому использование законов как таковое здесь не осознается, является стихийным. С возникновением науки познание сущности законов выделяется в относительно самостоятельный вид познания. Познание сущности законов включает: а) теоретическую формулировку законов, б) раскрытие в рамках данной теоретической системы взаимосвязей отдельных законов друг с другом, в) познание системы законов, выражающееся в классификации их.

Познание сущности законов — необходимое, но недостаточное условие для их использования в человеческой деятельности. Это связано с тем, что объективные законы непосредственно детерминируют деятельность своим содержанием, выступающим конкретным выражением сущности. Содержание законов — это конкретное противоречие между потребностями человека (субъекта) и возможностями удовлетворения их. Познание содержания законов выступает в виде особого управленческого (целеформирующего) познания, включающего познание наличных потребностей субъекта, реальных возможностей их удовлетворения, противоречий между потребностями и возможностями. Управленческое познание включает также и познание противоречий между содержанием и формой действия законов, выражающихся в несовпадении целей и результатов деятельности. При этом познание сущности законов по отношению к познанию управленческому выступает как субъективное условие, как методология, а управленческое познание, в свою очередь, стимулирует более глубокое познание сущности законов. Результатом управленческого познания является создание субъективных условий (целей, планов деятельности) для действия законов в определенной деятельности.

Кроме управленческого познания (целеформирования) в механизм использования законов входит также превращение условий в факторы деятельности, т. е. само действие законов (целеосуществление). Важным моментом этого процесса является создание объективных форм использования законов, специфика которых определяется спецификой используемых законов. Использование законов природы осуществляется в процессе технологических отношений, складывающихся между субъектом труда, орудиями труда и предметом труда. Объективными формами использования этих законов являются орудия труда, предметы труда и организационные формы технологических отношений. «Технология,— писал К. Маркс,— вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс произ-

водства его жизни...»[13]. Использование социально-практических законов реализуется через организационные формы общественных (производственных, политических и т. д.) отношений в базисной и надстроечной деятельности. Через организационные формы общественное сознание опосредует общественную практику, регулирует общественные отношения. В условиях социализма огромную роль играет умение организовать деятельность масс, направить их творчество в соответствии с требованиями законов к единой цели. Важным элементом взаимосвязи механизма использования и механизма действия законов при социализме является также идейно-воспитательная деятельность коммунистической партии и социалистического государства[14].

В отличие от законов практики использование законов познания осуществляется через идеальные формы (понятия, суждения и т. д.).

Использование законов в процессе непосредственного действия законов выступает как воздействие субъекта, человека на условия их действия. Люди не могут отменить объективных законов, но, зная условия действия их и воздействуя на них в соответствии со своими потребностями, они могут добиваться для себя желательных результатов.

Если использование законов рассматривать применительно к обществу в целом, то оно представляет собой единый процесс, но часть этого процесса неотделима от действия используемых законов, а часть — с действием их непосредственно не связана. Вследствие последнего использование законов органически сливается с управлением теми объектами, процессами, законы которых используются. Поэтому использование законов общества и управление в обществе — понятия однопорядковые. В процессах, в которых действие законов осуществляется в форме их использования, управление выступает как аспект этих процессов; когда же процесс использования законов с их действием непосредственно не связан, как бы противостоит ему, управление выступает как особый вид деятельности, как управленческая деятельность. Из этого следует, что управление в обществе можно определить как использование законов в любой человеческой деятельности, а управленческую деятельность — как форму использования законов общества только на уровне субъекта этой деятельности. Иначе говоря, управление в обществе — это не только целенаправленное воздействие субъекта управления на объект управления на основе знания законов последнего, но и форма использования законов на уровне объекта управления. Поскольку законы всегда заключают в себе противоречия, управление, использование законов всегда выступает как

---

[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 383.

[14] См.: *Плетников Ю. К.* Специфика законов развития социалистического общества.— Вопр. философии, 1980, № 2, с. 24.

управление движением противоречий, как искусство разрешения противоречий.

Из предложенного понимания соотношения управления с механизмом использования и механизмом действия законов следует, что указанные явления должны исследоваться только в органическом единстве. Однако в настоящее время в философско-социологической и экономической литературе они рассматриваются преимущественно в отрыве друг от друга. Во многих работах, специально посвященных управлению в обществе, разговор о стадиях управленческой деятельности ведется вне связи с механизмом действия и механизмом использования законов [15], а в работах, специально посвященных использованию законов, разговор о ступенях использования ведется фактически вне учета связи их со стадиями управленческой деятельности [16].

Если неразграничение использования законов на уровне управленческой деятельности и на уровне действия законов ведет к отождествлению механизма действия и механизма использования законов, то сведение механизма использования законов к управленческой деятельности — к их противопоставлению. Следует также иметь в виду, что полного совпадения формы механизма действия и механизма использования законов нет и тогда, когда механизм действия законов проявляется в форме механизма использования законов. Это связано с тем, что в силу многих причин (относительность человеческого познания, тенденциальность законов и т. д.) механизм действия законов всегда реализуется не только в сознательной форме (форме механизма использования), но и в форме объективно-стихийной.

Существенное в отношении механизма действия и механизма использования законов само есть закон. Специфика действия этого закона определяется: 1) уровнем развития человеческой деятельности, спецификой различных общественных формаций; 2) уровнем субъекта деятельности (от общества до отдельного индивида); 3) содержанием субъективного фактора в механизме использования законов (от обыденного до научного). Все достижения человеческой цивилизации являются результатом деятельности людей в соответствии с объективными законами, правильного использования их. Поэтому, с нашей точки зрения, неправомерно сводить механизм использования законов только к их научному использованию.

Во взаимодетерминации механизма действия и механизма использования законов первому принадлежит определяющая роль, а второму — решающая. При этом и детерминация меха-

---

[15] См. напр.: *Афанасьев В. Г.* Научное управление обществом. М., 1973; *Он же.* Человек в управлении обществом. М., 1977; *Марков М.* Теория социального управления. М., 1978.

[16] См. напр.: *Кашин В. Н.* Познание и использование экономических законов при социализме. М., 1975, с. 147—149; *Глезерман Г. Е.* Законы общественного развития: их характер и использование, с. 191.

низмом действия законов механизма использования, и детерминация механизмом использования механизма действия всегда опосредуются самодетерминацией указанных механизмов.

Противоположность механизма действия и механизма использования законов включает абсолютный и относительный моменты. Когда механизм действия законов выступает со стороны своего материального содержания и объективно-стихийной формы, а механизм использования как отражающее их идеальное, тогда отношение соответствующих категорий раскрывает определенный аспект материалистического понимания истории. В данном случае соотносятся механизм действия законов базисной деятельности и механизм их использования на уровне субъекта управления этой деятельностью, механизм действия законов практики и механизм использования их на уровне субъекта познавательной деятельности. За указанными пределами противоположность механизма действия и механизма использования законов общества является относительной. Это связано с тем, что и социальное управление, и познание как виды деятельности также подчиняются своим специфическим законам. Поэтому социальное управление в обществе выступает как использование законов только в отношении к различным видам деятельности как объектам управления, по отношению же к самому себе оно выступает как единство механизма действия и механизма использования своих собственных законов[17] (до возникновения особой науки об управлении в обществе социальное управление выступало по отношению к самому себе также и как познание своих законов). Это же следует сказать и о познании. Так, например, если в логической науке находит свое выражение познание законов самого познания (мышления), то решение проблем методологии познания представляет собой разработку механизма использования этих законов. В связи с этим нам представляется односторонней трактовка использования законов только как практического отношения человека к действию законов[18].

Познание сущности законов общества, механизм использования и механизм их действия выступают (с возникновением науки) как относительно самостоятельные виды деятельности и как факторы детерминации друг друга, образуя единый детерминационный цикл. Поэтому взаимодетерминация познания, использования и механизма действия законов общества выступает как фундаментальное проявление социальной детерминации, как коренной аспект социальной диалектики. Историческое изменение

---

[17] Видимо учетом именно этого обстоятельства продиктовано выделение Ю. А. Тихомировым наряду с механизмом действия и механизмом использования законов еще и механизма управления (см.: *Тихомиров Ю. А.* Механизм управления в развитом социалистическом обществе. М., 1978, с. 45—46).

[18] См.: *Глезерман Г. Е.* Законы общественного развития: их характер и использование, с. 178.

во взаимодетерминации познания, использования и механизма действия законов общества определяется уровнем развития общества, природой различных общественно-экономических формаций. Принципиальная особенность этой взаимодетерминации при социализме состоит в том, что здесь познание и использование законов общества в основе своей носят научный характер.

Особенно возрастает роль диалектической взаимосвязи научного познания, механизма использования и механизма действия законов в условиях развитого социалистического общества. На XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Четко формулировать практические задачи, которые требуют максимального внимания ученых,— это дело прежде всего центральных планирующих и хозяйственных органов, Государственного комитета по науке и технике. Вместе с тем и сама наука должна быть постоянным «возмутителем спокойствия», показывая, на каких участках наметились застой и отставание, где современный уровень знаний дает возможность двигаться вперед быстрей, успешней. Надо продумать, как превратить эту работу в неотъемлемую часть механизма управления» [19].

[19] Материалы XXVI съезда КПСС. М, 1981, с. 43.

В. В. БАЙЛУК
Уральский университет

Типологическая характеристика законов общества

Для повышения эффективности управления социальными процессами в условиях развитого социализма исключительное значение имеет исследование системы объективных законов общества, решение проблемы их типологии. Законы, действующие в обществе, в границах социальной формы движения материи, обозначаются по-разному: как социальные законы (или общественные законы), как законы общественного развития, как законы истории. Термином «социальные законы» обычно обозначают законы общества, которые выражают отношения непосредственно между социальными явлениями (например, между производительными силами и производственными отношениями). Но в этом случае возникают терминологические трудности при обозначении законов природы, используемых в человеческой деятельности, и законов, выражающих связи естественных и собственно социальных процессов в обществе. Термин «законы общественного развития» неудовлетворителен ввиду того, что в обществе, кроме законов развития, имеют место также и законы, получившие в литературе название законов функционирования и законов структуры. Определенные трудности создает и термин «законы истории», ибо в последние годы выделяются особые законы исторического процесса, отличные от законов социологических, экономических и т. д. и являющиеся предметом исторической науки.

С нашей точки зрения, все законы, действующие в обществе, регулирующие человеческую деятельность, следует обозначать термином «законы общества» [1].

Специфика законов общества в самом общем виде состоит в том, что они являются законами человеческой деятельности, выступают определяющими элементами ее объективного фактора. Все другие признаки законов общества (более быстрая в срав-

[1] О законах общества см.: Специфика законов общества. Иркутск, 1974; *Уледов А. К.* Социологические законы. М., 1975; Проблема закона и закономерностей в обществознании. Л., 1975; *Зеркин Д. П.* Объективные законы общественного развития и механизм их реализации. М., 1976; *Гончарук С. И.* Законы развития и функционирования общества. М., 1977; Проблема социальной закономерности. Горький, 1978; Категории социальной диалектики. Минск, 1978, гл. 6; *Глезерман Г. Е.* Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979; *Сирин А. Д.* Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979.

нении с законами природы, действующими вне человеческой деятельности, сменяемость форм проявления, та или иная опосредованность сознанием и т. д.) от указанного признака производны. Законы общества — это существенные отношения человеческой деятельности, регулирующие ее и осуществляющиеся благодаря ей.

Законы общества, как и законы природы, представляют собой объективные отношения. Однако если законы природы, действующие вне общества, не зависят от сознания людей и от их действий, то законы общества, будучи независимыми от сознания людей, осуществляться вне и помимо человеческой деятельности не могут. Законы общества являются определяющими детерминантами человеческой деятельности, а сама человеческая деятельность выступает и как условие возникновения и изменения законов, и как условие их действия и проявления.

На наш взгляд, исходным пунктом в исследовании системы законов общества, решении проблемы их классификации является выделение всеобщих законов общества. Всеобщие законы общества — это те законы, которые образуют конституирующие, абсолютные условия его бытия. Всеобщие законы общества включают: а) законы общей диалектики, специфически проявляющиеся в обществе, в его материальных и идеальных процессах и в отношениях между ними; б) всеобщие законы общества, характеризующие его качественную определенность. Каковы критерии классификации законов общества вообще? Обычно в качестве критериев классификации этих законов выделяют период (длительность) действия законов, сферу действия и степень общности [2]. Однако все эти критерии ни в отдельности, ни в их единстве рассматриваться как необходимые и достаточные для классификации законов общества не могут. Связано это прежде всего с тем, что в основании критерия длительности лежит социальное время, а критерия сферы действия — социальное пространство. Но поскольку социальное пространство и время являются только формами бытия общества, то их рассматривать следует лишь как производные критерии классификации, а не основные.

При классификации законов общества, с нашей точки зрения, исходными являются следующие объективные основания: а) материальность общественной жизни, б) структура человеческой деятельности, в) формационное развитие общества. Выделенные здесь основания типологии законов общества находят свое выражение в таких фундаментальных аспектах методологии исследования общественной жизни, как диалектико-материалистический, деятельностный и формационный подходы в их

---

[2] См. напр.: *Уледов А. К.* Социологические законы, с. 123—133; *Сирин А. Д.* Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов, с. 70—83.

органической взаимосвязи. В соответствии с этими основаниями можно выделить следующие подсистемы всеобщих законов общества.

1) Законы бытия общества, выступающие в виде законов общественного бытия, естественного бытия и отношений между ними. Законы общественного бытия — это собственно социальные законы, т. е. законы, действующие только в обществе (закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил и т. д.); законы естественного бытия — это законы природы, действующие в низшем, включенном в высшее — социальную форму движения материи, например законы высшей нервной деятельности человека. Определяющая роль в системе законов бытия общества принадлежит социальным законам, выступающим объективным основанием активности общества как субъекта в отношении к природе как объекту. Законы бытия общества образуют основное содержание объективного фактора практической деятельности.

Особую группу составляют законы, которые находятся в органическом единстве с указанными выше законами, но к ним не сводятся. Эти законы выражают взаимодействие общества и природы. Выделяют социально-природные законы (закон неуклонного возрастания воздействия общества на природу, закон расширения ноосферы и т. д.) и природно-социальные законы (законы географической зональности (размещения производительных сил), деления людей на расы по морфологическим признакам и др.) [3].

2) Законы сознания общества как целого, а также законы отражения социального бытия и законы отражения природного бытия и отношений между ними [4]. Эти законы выступают непосредственными объективными факторами познавательной деятельности человека.

3) Законы, выражающие отношения между бытием общества и сознанием общества. Эти законы действуют только на уровне человеческой деятельности (общества) как целого и опосредуются всеми другими законами общества. Последние законы выражают: отношения между субъектами и объектами внутри инвариантных видов человеческой деятельности, конституирующих ее как качественно определенную систему; отношения между самими инвариантными видами деятельности, выступающие как отношения субъектов.

---

[3] См.: *Худушин Ф. С.* Человек и природа. М., 1966; Природа и общество. М., 1968, с. 35, 44—45, 71 и др.; *Ковалев А. М.* Общество и законы его развития. М., 1975, с. 190.

[4] В литературе природное (естественное) бытие и отражающее его сознание еще обозначают терминами «бытие вообще» и «сознание вообще», а законы естественного бытия в одних случаях называют неспецифическими законами общества, а в других — специфическими естественными законами общества (см.: Диалектика и частные науки. Л.— Брянск, 1972, с. 103—124, 206, 215).

В соответствии с указанными отношениями можно выделить законы основных и производных инвариантных видов человеческой деятельности как частей и законы деятельности как целого. К законам основных инвариантных видов деятельности относятся: 4) законы практики, законы познания, законы базисной деятельности и законы надстроечной деятельности (базисная деятельность — это деятельность, объект которой, взятый безотносительно к субъекту, всегда подчиняется законам природы; в надстроечной деятельности объектом являются отношения людей, их организации и сознание), выражающие отношения прежде всего образующих их производных видов деятельности.

Законы производных видов базисной деятельности включают: 5) законы материально-производственной деятельности (эта деятельность охватывает процесс производства и потребления материальных благ в их единстве), законы материально-воспроизводственной деятельности (эта деятельность связана с формированием и восстановлением физических способностей субъекта), законы демографической деятельности (законы народонаселения)[5] и законы здравоохранительной деятельности. Порядок следования законов здесь является выражением их субординации.

Законами инвариантных производных видов надстроечной деятельности являются: 6) законы управленческой деятельности, законы воспитательной деятельности (эта деятельность связана с формированием духовных способностей субъекта) и законы духовной деятельности (сущность этой деятельности состоит в производстве нового сознания).

К законам человеческой деятельности как целого относятся: 7) законы, выражающие отношения практики и познания, базисной и надстроечной деятельности, а также отношения каждого вида деятельности как части к человеческой деятельности (обществу) как целому.

Законы связи бытия и сознания общества и законы, раскрывающие отношения между всеми основными и производными видами и между отдельными видами деятельности и обществом как целым, являются, на наш взгляд, всеобщими социологическими (или системными) законами общества[6], а законы, дей-

---

[5] См.: *Александрова Л. М., Коростелев Г. М.* Законы народонаселения и их место в системе общественных законов.— В кн: Проблема социальной закономерности.

[6] Комплексный критерий выделения социологических законов, включающий, кроме видов деятельности, также общественные отношения и субъектов деятельности, образующих основные сферы общества, нам представляется недостаточно строгим. Связано это с тем, что общественные отношения существуют только в рамках видов деятельности и в отношениях между ними, субъекты всегда являются субъектами деятельности, а сферы общества суть области специфических видов деятельности (О критериях выделения социологических законов см. подробнее: *Уледов А. К.* Социологические законы, с. 77—92).

ствующие только в рамках инвариантных производных видов деятельности,— всеобщими несоциологическими законами. Законы первого рода можно с известным приближением именовать законами общества как целого, а второго — законами частей общества. Следует заметить, что широко распространенное в литературе рассмотрение законов первого и второго рода как общих и специфических является неточным, ибо специфическое означает особенное, и оно с частным, т. е. с тем, что присуще части, не совпадает.

Особую группу всеобщих социальных законов образуют законы, выражающие внутренние отношения, механизмы человеческой деятельности (вопрос об этих законах в литературе разработан пока слабо). Эти законы раскрывают 8) отношения производства и потребления (обмена и распределения), объективных и субъективных условий и объективных и субъективных факторов, опредмечивания и распредмечивания, потребностей и интересов, целей и средств, необходимости и свободы, стихийного и сознательного, механизма действия и механизма использования законов. Все эти законы действуют во всех без исключения видах деятельности и на всех уровнях общественной системы — от общества как целого до отдельного индивида.

Поскольку каждый элемент внутренних отношений деятельности — потребность, свобода и т. д.— находится в определенном отношении и со всей человеческой деятельностью, то следует также выделять законы, раскрывающие эти отношения (например, законы взаимосвязи свободы и деятельности, производства и деятельности и т. д.). Из этой группы законов в литературе выделяется пока только закон взаимосвязи общественных потребностей и деятельности людей [7].

Определенную группу всеобщих социальных законов образуют: 9) законы, раскрывающие отношения атрибутов человеческой деятельности (законы взаимосвязи творчества и культуры, социального пространства и социального времени и т. д.), а также отношения этих атрибутов ко всей человеческой деятельности (законы взаимосвязи творчества и деятельности, культуры и деятельности и др.). Следует отметить, что вопрос об атрибутах человеческой деятельности и соответствующих законах в философской литературе практически еще не поставлен.

Все законы, раскрывающие внутренние механизмы человеческой деятельности, отношения атрибутов деятельности и отношения между атрибутами и деятельностью, с нашей точки зрения, также следует относить к всеобщим социологическим законам.

В системе всех выделенных социологических законов определяющая роль принадлежит законам, непосредственно раскрывающим связь бытия и сознания общества, и законам, выража-

---

[7] См.: *Маргулис А. В.* Диалектика деятельности и потребностей общества. Белгород, 1972.

ющим отношения внутри основных видов деятельности и между ними. Вместе с тем действие этих законов всегда опосредуется, с одной стороны, всеми другими всеобщими социологическими законами, а с другой — всеобщими несоциологическими законами. Диалектика указанных законов в человеческой деятельности в известной мере выступает как диалектика в ней целого и частей, внешнего и внутреннего.

Важнейшими сущностными детерминантами человеческой деятельности (наряду со всеобщими законами) выступают также специфические или конкретно-исторические законы (особенное). К этим законам относятся: а) законы, действующие в ряде общественно-экономических формаций (законы классовой борьбы, например); б) в отдельных формациях (закон прибавочной стоимости и др.); в) на определенных этапах отдельных формаций (например, закон распределения по труду при социализме). Подобно всеобщим законам специфические законы также делятся на социологические и несоциологические. Так, закон прибавочной стоимости есть специфический несоциологический закон, а закон взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания капиталистической формации — специфический социологический закон. В чем особенность конкретно-исторических законов и каково соотношение их с законами всеобщими? Если всеобщие законы являются продуктом антропосоциогенеза общества и образуют конституирующие условия его бытия, то специфические законы — это продукт действия всеобщих законов и конкретно-исторических, формационных условий. Всеобщие и специфические законы образуют диалектическое единство противоположностей. Это значит, что эти законы, с одной стороны, относительно самостоятельны, а с другой — выступают как абсолютно необходимые условия бытия друг друга при определяющей роли всеобщих законов[8]. Иначе говоря, всеобщие законы образуют в обществе основу, а специфические законы — обоснованное. Всеобщие законы — это всегда законы общественного прогресса, специфические законы могут быть как законами прогресса, так и законами регресса (поскольку современный капитализм исторически изжил себя, то его законы выступают как законы социального регресса). Соотношение всеобщих и специфических законов общества правомерно рассматривать как отношение содержания и сущностной формы[9]. Взаимодетерминация всеобщих и специфических законов осуществляется через из-

---

[8] Нам представляется необоснованным встречающееся в литературе сведение общих законов к специфическим, а специфических законов — к общим, равно как и противопоставление этих законов.

[9] Широко распространенная в литературе трактовка специфических законов просто как форм проявления всеобщих законов является, на наш взгляд, неточной, ибо форма проявления всеобщих законов вообще кроме сущностного (необходимого) также включает и случайное.

менение потребностей человеческой деятельности, ее возможностей и отношений между ними.

При типологическом рассмотрении всех законов общества как определяющих детерминант человеческой деятельности следует учитывать системные аспекты их единства.

1. Все законы общества одновременно являются законами организации, функционирования и развития. Это значит, что любой закон общества обеспечивает и организацию, и функционирование, и развитие тех явлений, сущность которых он выражает. В связи с этим представляется более правильным говорить о законах структуры (организации), функционирования и развития не как о разных законах [10], а как о соответствующих функциях одних и тех же законов. Вместе с тем следует иметь в виду, что: а) одни законы общества выражают его развитие более непосредственно (например, законы социальных революций), а другие — более опосредованно; б) одни и те же законы на разных этапах бытия социальных явлений могут выражать то преимущественно развитие, то преимущественно функционирование. Таковыми являются специфические законы различных общественно-экономических формаций в период их восхождения и упадка.

Законы общества, выполняя функции организации, функционирования и развития, выступают как законы социальной детерминации [11]. В настоящее время многие законы общества сформулированы как законы детерминации. Например, закон об определяющей роли материального производства по отношению ко всем другим сторонам общества, законы об обратном воздействии общественного сознания на общественное бытие и политики на экономику и др. В связи с этим законы, выражающие воздействие первичных (определяющих) социальных явлений на вторичные (производные), вероятно, следует классифицировать как законы прямой, генетической детерминации, а законы, выражающие обратное воздействие производных явлений на явления определяющие — как законы обратной детерминации.

2. Все законы общества, выражающие различные аспекты его качественной определенности, одновременно являются и статистическими, и динамическими законами [12]. Поэтому представляется более правильным говорить не о динамических и статистических законах общества, а о динамичности и статистичности как аспектах всех законов общества. Динамичность харак-

---

[10] См. подробнее: *Уледов А. К.* Социологические законы, с. 147—154.

[11] С. И. Гончарук с детерминацией в общественном законе связывает соподчинение его сторон или явлений (см.: *Гончарук С. И.* Законы развития и функционирования общества, с. 37).

[12] О статистических и динамических законах общества см.: *Белова Л. В.* Соотношение динамических и статистических закономерностей в общественном развитии.— Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Экономика, философия, право, 1974, № 17, вып. 3; *Уледов А. К.* Социологические законы, с. 154—172.

теризует законы общества как законы целого (под целым здесь понимается как общество, так и любая подсистема, часть его), а статистичность — как законы больших масс людей, множества взаимодействующих индивидов. При объяснении социальных явлений, отмечал В. И. Ленин, «надо помнить правило, что в общественной науке... дело идет о *массовых* явлениях, а не об единичных случаях» [13]. Специфика соотношения динамического и статистического аспектов в различных законах определяется спецификой, особенностями самих законов. Так, если законы, раскрывающие внутренние механизмы человеческой деятельности, на уровне действий отдельных индивидов выступают как динамические законы, а на уровне общества — как статистические, то законы общественного бытия людей на уровне общества действуют как законы динамические, а в конкретных процессах проявляются как законы статистические.

Все законы общества являются законами-тенденциями. В тенденциальности находит выражение тот факт, что реализация любой существенной связи в обществе всегда опосредуется множеством необходимых (к ним относятся и те законы, с которыми взаимодействует данный закон) и случайных обстоятельств. Поэтому законы общества выступают не как «чистые» существенные отношения, а как господствующие тенденции. К. Маркс писал, что законы «вообще не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем...» [14]. При этом тенденциальность характеризует как статистический, так и динамический аспекты законов. Поэтому статистичность и динамичность представляют собой содержание законов общества, а тенденциальность выступает как их форма. В связи с этим нам представляется спорным, во-первых, отождествление статистичности и тенденциальности, трактовка тенденциальности только как следствия статистичности; во-вторых, понимание тенденциальности (приблизительности осуществления законов) не как объективной характеристики законов, а как свойства наших знаний о них [15], в-третьих, трактовка абсолютности законов как их независимости от условий действия [16], в-четвертых, деление законов на абсолютные и

---

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 250. Однако сведение некоторыми авторами природы законов общества только к статистичности представляется односторонним (см. напр.: *Мишин В. И.* Объективные законы истории и социальная активность.— Филос. науки, 1968, № 3; *Кузьменкова Л. А.* Причинность и детерминизм в общественном развитии.— В кн.: Диалектика социального развития. М., 1974).

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 38, с. 283.

[15] См. напр: *Кобахидзе Ш.* Место категории закона в классическом и диалектико-материалистическом детерминизме.— В сб.: Актуальные проблемы детерминизма. Тбилиси, 1980.

[16] См.: *Кузьминов И. И.* Очерки политической экономии социализма. М., 1971, с. 231—237.

законы-тенденции [17]. К. Маркс о всеобщем законе капиталистического накопления, который он называл абсолютным, всеобщим, писал, что «подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами...» [18]. Абсолютность закона означает, что он действует во всех процессах общества или во всех процессах отдельных видов деятельности (примером таких законов являются законы, раскрывающие внутренние механизмы человеческой деятельности, закон прибавочной стоимости и др.).

3. Следует различать законы и закономерности общества. Если законы общества непосредственно выражают существенные отношения между носителями закона (например, субъектом и объектом какой-либо деятельности), то закономерности (закономерный — действующий на основе законов) — это отношения прежде всего между самими законами. Отношение между законами и закономерностями может быть выражено категориями части и целого, элемента и системы. В. И. Ленин писал: «Мир есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только *отражать* эту закономерность» [19]. За пределами указанных различий закон и закономерность тождественны, ибо закономерность характеризуется теми же конституирующими признаками, что и закон: существенность и общность, необходимость. «...Понятие «закономерность»,— пишет немецкий социолог П. Больхаген,— противостоит понятию «общественный закон» как глобальное понятие, указывающее на понятие системы законов, но не исчерпывает его, а с другой стороны, оно идентично с понятием закона, так как характеризует его свойства... [20].

---

[17] См.: *Уледов А. К.* Социологические законы, с. 158—161. А. К. Уледов предлагает следующий критерий разграничения этих законов: если абсолютные законы проявляются и могут быть обнаружены в каждый момент существования данной общественной системы, то законы-тенденции проявляются и могут быть обнаружены лишь в достаточно продолжительные периоды времени, но не в каждый данный момент. Этот критерий, на наш взгляд, спорен, ибо, во-первых, содержит в себе субъективный момент, во-вторых, не учитывает непрерывность действия законов-тенденций.

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 659.

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 174.

[20] Цит. по: *Уледов А. К.* Социологические законы, с. 60. Попытка некоторых авторов разграничивать закон и закономерность на том основании, что закон есть конкретно-всеобщее, а закономерность — абстрактно-односторонний момент закона, частная форма проявления его, на наш взгляд, является малопродуктивной (см.: *Гончарук С. И.* Законы развития и функционирования общества, с. 8—9). Нельзя разграничивать закон и закономерность и с точки зрения того, что закон есть прочное, остающееся, а закономерность — текучее, изменчивое, ибо те и другие характеристики являются общими для закона и закономерности. Не представляется нам обоснованным и разграничение социального закона и социальной закономерности И. В. Сухановым на том основании, что закон есть область выбора средств деятельности, а закономерность — область цели (целеполагания) (см.: *Суханов И. В.* Закон и закономерность.— В сб.: Проблема социальной закономерности). Поскольку в обществе и законы, и закономерности всегда выражают отношение потребностей и

Законы и закономерности общества — диалектическое единство противоположностей, которые в определенных условиях друг с другом могут совпадать. Так, поскольку законы, выражающие отношения различных видов деятельности, так или иначе выражают и связь присущих им законов, то они одновременно выступают и как закономерности. Вследствие этого связи между различными видами деятельности носят закономерный характер, а взаимодетерминация их выступает как закономерная детерминация. Все всеобщие и специфические законы общества в их взаимосвязи, сцеплении образуют историческую закономерность. «Конкретная историческая закономерность есть результат пересечения, сочетания закономерностей разных систем»[21]. Благодаря исторической закономерности человеческая история выступает как самодетерминированный естественноисторический процесс.

Таковы, с нашей точки зрения, типологические особенности законов общества.

возможностей деятельности, то они в одинаковой мере являются и областью цели и областью средств деятельности.

[21] *Гуревич А. Я.* Об исторической закономерности.— В сб.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 63.

СОДЕРЖАНИЕ

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ
ДИАЛЕКТИКА ЗАКОНОМЕРНОЙ СВЯЗИ

Межвузовский сборник научных трудов

Редактор **О. И. Бриль**
Технический редактор **Э. А. Максимова**
Корректор **Н. В. Чапаева**

Допплан 1982, поз. 182

Сдано в набор 21.07.82. Подписано к печати 21.10.82. НС 14289. Формат 60×90/16. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7. Уч.-изд. л. 7. Тираж 700. Заказ 369. Цена 1 руб.
Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51.

Типография изд-ва «Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

1 руб.